

ДИАНА ХАНТ

16+

Наложница
ДРАКОНА

серия «Дочь дракона»

книга 2

Дочь дракона

Диана Хант

Наложница дракона

«Автор»

2018

Хант Д.

Наложница дракона / Д. Хант — «Автор», 2018 — (Дочь дракона)

Оказавшись в мире, где правят драконы и магия, я, обычная студентка, получила ипостась дракона. И все вроде прекрасно и замечательно... Но оказалось, драконы - страшные шовинисты, а моя семейка особенно. Итак, наш ответ домашнему режиму - здравый смысл, немного наглости и... сила дракона!

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Хант

Наложница дракона

Глава 1

Воды Лазурного моря пенились, окатывая прибрежные скалы. Закатное солнце сделало их пурпурными и оттого Огненный дракарат сперва показался фиолетовым. Лишь когда подлетели ближе, оказалось, что высокие шпили башен словно отлиты из пламени, а пышная зелень этого края пронзительно-изумрудная.

Подлетев ближе, мы закружились над Огненным дракаратом, устремляясь к восточной части полуострова, к землям клана Золотого дракона, Кинриу. Монументальные здания (язык не поворачивается назвать их домами) просторного, непривычно-зеленого города, все, как одно, из красивого желтого камня, с плоскими крышами-площадками.

Мы устремились к центральному дворцу, внушительному, великолепному, похожему на скалу, только из желтого мрамора и всю в золоте.

Я поняла, что сейчас придется садиться и оборачиваться... отчего накатила паника.

Инициация в озере Драконов произошла сама по себе, оборачивание, соответственно тоже, только было очень больно... Поэтому сейчас, стоило мелькнуть мысли, что понятия не имею, как вернуть человеческий облик, а еще вспомнив сумасшедшую боль во время инициации, опьянение небом улетучилось, а паника накрыла девятым валом.

Исам словно почувствовал, что творится со мной, потому что серебристый дракон изогнул длинную шею, подлетая ближе и посмотрел долгим взглядом. В синих глазах явственно читалось: *я в тебя верю.*

Шумно выдохнув, я устремилась вслед за обоими драконами на огромную желтую площадку, на которой, кажется, стоят люди.

Драконы обернулись на подлете и прыгнули на площадку людьми.

Я робко вытянула лапы к желтой плитке, и стоило им столкнуться с поверхностью, мир взорвался ожидаемой болью!

Только на этот раз новая драконья сущность обошлась со мной милосердно. Потому что практически сразу же я потеряла сознание.

Сначала в мой тревожный сон, в котором я никак не могла сдать зачет по восточным единоборствам мастеру Горо, потому что коварный японец какими-то хитрыми касаниями «отключил» мне руки и ноги, и я старалась уползти от него по матам на манер червячка, ворвался птичий хор.

Когда сэнсэй замедлился, словно некий доброжелатель нажал на «медленный кадр», и никак не мог догнать ползущую меня, а птичий щебет усилился, начала догадываться, что вижу сон.

Затем лучи утреннего солнца настойчиво заскользили по лицу и пришлось перевернуться на другой бок, чтобы не мешали досыпать. Тем более что противный сон с сэнсэем закончился, а значит, следующий мог оказаться вполне сносным.

Вместо этого в голове зашумело, словно подернулось туманом, а когда я постаралась вспомнить свое имя и где я нахожусь, почему-то не смогла.

Вдох-выдох, и я принялась «трясти» сопротивляющуюся изо всех сил память, но потом, раз за разом, дело пошло.

Итак. Зовут меня Александра Кинриу. Студентка военной академии имени Александра Васильевича Колчака (лучшая академия страны, если что!). Только-только успешно сдала сес-

сию и перешла на третий курс... Почему военная академия? Отчим посоветовал. По заверению Виталия Владиленовича, успешного бизнесмена и вообще финансового гения, «воля» для меня «чревата». И вот ни разу не обидно. Потому что дури во мне, то есть я хотела сказать темперамента – хватит на племя взбесившихся дикарей.

А так, наравне с теоретическими дисциплинами, где можно почерпнуть знания об азах командования, управления, оперативно-тактической подготовки, а еще инженерно-технических и юридических дисциплин и прочей нудятине, идут мои любимые, практические.

А это: несколько навыков рукопашного боя, в том числе и нежно любимые мной восточные единоборства, то же дзюдзюцу у мастера Горо, а еще первичные летные навыки на планерах (к вертолетам на втором курсе еще не допускают, ждала третьего, как ребенок Нового Года) и разные факультативы, в том числе стрельба из лука, мое хобби с детства.

Вот только третьего курса похоже уже не дожидаться, да и по полетам я наш курс опередила.

Потому что судьба решила изменить мою жизнь с помощью двух чертовски-обаятельных драконов, которые, как снег на голову, обрушились в мою жизнь под конец сессии.

Причем с известием, что я, дескать, принцесса драконьего мира, дочь дракона, да непростого, а верховного правителя Огненного дракарата. И вот, по достижению совершеннолетия (мне только-только восемнадцать исполнилось) папенька изволили о дочке вспомнить и потребовали ее возвращения в родной мир.

Родной, то есть драконий мир меня встретил не так, как ожидалось. Потому что сопровождающие меня драконы (они бы на слово «сопровождающие» обиделись, потому что все, как один, жуткие шовинисты) должны были меня с рук на руки папеньке передать, да не тут-то было.

Портал ни с того ни с сего перенес нас не в Огненный дракарат, в объятия любящего родителя, а к священной горе Сусаноо или Такэхая Сусаноо-но Микото. Да, да, именно туда, где проходят инициацию и обретают дракона!

И я, студентка третьего курса лучшей военной академии страны, после долгих перипетий и препятствий, инициацию-таки получила и стала драконом!

Причем, первой драконицей в истории (кроме богини Инари, разумеется, Матери всех драконов), потому что до меня ни одна женщина не была драконом! Собственно, до меня ни у одного дракона не рождалось девочки.

Но я самого главного не сказала.

Я вообще-то добровольно и по своей инициативе в этот мир скаканула (хоть сопровождающие утверждают, что и так, и так бы меня забрали). Потому что мне, оказывается, пришел вызов из Альма-матер для драконов. Лучшей магической академии этого мира, где воспитывают настоящих драконов.

И вот шанса обучаться в магической академии, где мало того, что каким-то специальным навыкам боя учат, так еще обучают, как управлять сильнейшей магией мира – драконьей то есть. А еще преподают столь необходимые новичкам азы контроля и вообще уживчивости с новой ипостасью. Словом, этого я ну никак пропустить не собираюсь.

Полная решимости и гордости за такой четкий и структурированный итог последних жизненных событий, я проснулась окончательно и открыла глаза.

На меня смотрели сразу три пары глаз. Причем вопросительно как-то смотрели, с любопытством и придыханием.

Три похожих друг на друга, как капли воды, девушки. Все в странных нарядах, что-то между кимоно и длинными, в пол, платьями. Цвета – розовый, голубой и фиштакковый, такие нежные-нежные, чуть не пастельные. Вышиты цветами и бабочками.

Волосы у всех троих разделены на прямой пробор и заплетены в косы. По четыре (или шесть, мне с кровати не видно) косы, каждая заканчивается крохотным перламутровым шариком. Как жемчуг, только побольше.

Лица – очень милостивые, есть в них что-то восточное. Красиво вылепленные скулы, маленькие курносые носы, аккуратные губки бантиком. Глаза, как у оленят, широко распахнутые и темные, про такие принято говорить, с поволокой.

Заметив, что я проснулась, девушки развели руки в стороны, отчего рукава платьев-кимоно вспорхнули, как крылья бабочек и, сложив ладони на груди, поклонились.

Я ресницами захлопала.

– Здравсти, – говорю чуть хриплым со сна голосом.

– Приветствуем, принцесса Таши Кинриу, – мелодичным голосом произнесла та, что в розовом. Она посерединке стояла, и, говоря, шагок вперед сделала.

После чего девчонки опять поклонились, а мне неловко стало. Хотелось им на вежливость как-то ответить, но сил странным образом не было. Тело как после долгой болезни, вроде и обновленное, но какое-то слабое и непослушное.

– Девчонки, заканчивайте кланяться, – попросила их и поинтересовалась: – А вы кто?

Ответила снова «розовенькая». То ли она у них за старшую, то ли на нее сегодня пал жребий.

– Мы ваши джошу, принцесса.

– Джошу? – не поняла я и нахмурилась.

– Нам выпала высокая честь прислуживать вам.

– Эм, – вырвалось у меня. – Вообще-то я привыкла сама себе прислуживать... в смысле, заботиться.

– Вы слабы после оборота, принцесса, – мягко напомнила «розовенькая» и с этим было сложно поспорить. – Вам потребуется помощь.

Я привстала, опираясь на руки, что заставило поморщиться. Девчонки тут же подскочили и подложили под спину подушек. Стало удобнее и я вынуждена была признать:

– Помощь так помощь. Только без этих ваших поклонов, «вы» и прочего. Я себя на «вы» пока не ощущаю, а когда мне кланяются, кланяюсь в ответ. А поскольку сейчас ответить вежливостью на вежливость не могу, то и вы поберегите спины.

Длинная речь, которую слушали с вниманием и почтением, вымотала.

Я откинулась на подушки и часто задышала.

Одна из девушек протянула высокий узкий сосуд с зеленоватой жидкостью, который наполнила из графина на низком круглом столике.

– Выпейте, принцесса, и у вас прибудет сил для омовения и облачения.

Послушно приняла напиток. На вкус оказался кислым и освежающим, словно лимонный сок с яблочным разбавили, но при этом густой, как кисель. Морщась, стала пить маленькими глотками.

Пока пила, осмотрела помещение, в котором нахожусь.

Очень светлое, с высоченным потолком и окнами в которых не то, что человек, дракон пролезет.

Прозрачные и легкие, как паутинки, занавески нежно колышет ветер. Стены из прежде не виданного мной желтого мрамора с золотыми крапинками. Они искорками отражают солнечные лучи, и, если приглядеться, видно, что не хаотично разбросаны, а складываются в узоры. Очень красиво. Пол деревянный, покрытый лаком, только светлее стен, как и потолок, отчего создается впечатление, что мебель в помещении и сами стены висят в воздухе.

Мебель внушительная, деревянная, нежно-голубого цвета с коричневой и золотой окантовкой, что только оттеняет красивый желтый цвет стен. А у меня почему-то ассоциацию с древнеегипетским стилем вызвало. Там тоже основные цвета: желтый, коричневый, голубой.

И вот хоть золотинки-узоры в иероглифы складываются, они же и на мебели есть, ощущение, что богатство египетского стиля и минимализм японского совместили, и получилось здорово.

Кроме кровати под балдахином, на которой лежу, собственно, по стенам полки, есть два стола, письменный и пониже, круглый, несколько стульев и кресел, в которых запросто можно как на диване устроиться и зеркало во всю стену.

Я протянула девушке в голубом пустую склянку и поняла, что каким-то волшебным образом силы ко мне вернулись. Не совсем, но все же лучше, чем было.

– Прежде чем вы будете готовы приветствовать вашего отца, верховного предводителя Огненного дракарата, великого воина Мичио из клана Золотого дракона, позвольте помочь вам омыться и облачиться, принцесса, – поклонившись, сказала «розовенькая» девушка.

– Так, стоп, – сказала я, предупреждаясь держа ладонь перед собой: стоило мне попытаться встать, кинулись помогать втроем. Но если во всем полагаться на помощь, эдак можно долго проваляться. И дело здесь не в состоянии, а в человеческой натуре, которая, конечно, если ее постоянно не преодолевать, выберет, что полегче.

– Во-первых, – продолжала я, – заканчивайте с «вы» и поклонами. Если я ваша принцесса, то такой вот мой вам указ.

Лица девушек вытянулись, губы открылись буквой «о», и ресницами все трое часто захлопали.

– Ладно, – пробормотала, поморщившись, – по-крайней мере, пока мы наедине.

На милovidных личиках отчетливо проступило облегчение.

– Теперь давайте знакомиться, – сказала я, свешивая ноги на пол. – А то вы мое имя знаете, а я ваши – нет.

Девчонки недоуменно переглянулись.

– Зовите нас джошу, принцесса, – сказала «розовенькая». – Просто джошу, прислуга. К джошу принято именно так обращаться.

– Нет уж, – отрицательно покачала головой я. – Виталий Владиленович бы не простил, если бы я честь мундира опозорила.

Какое отношение к чести мундира имеет бизнесмен-отчим, я сама не понимаю. Просто именно эти слова первыми пришли на ум и показались (мне лично) самыми убедительными.

– Итак, как нас мама с папой назвали? – поинтересовалась я в первую очередь, у «розовенькой».

Та испуганно оглянулась на остальных, и, сглотнув, представилась:

– Отец нарек меня Аки, принцесса.

– Таща, – упрямо сказала я и вопросительно на других посмотрела.

– Акико, – решила голубенькая.

– Акира, – потупившись, пробормотала «фисташковая».

– М-да, – пробормотала я. – Значит, папенька вам одно имя на троих выделил...

– Не совсем так, – осмелев, сказала «голубенькая», Акико. Стараясь не обращать внимания на шепот и тычки сестер, которые пытались образумить ее и даже дергали с двух сторон за рукава кимоно, она пояснила: – Аки – значит, осень, или яркая, потому что родились мы осенью, принцесса Таши. Акико – значит, умный ребенок, а Акира – яркий, ясный, рассвет.

– Хм, – призадумалась я. – А значить, папахен ваш пронительностью отличается.

Девушки горделиво поджали губы, скрывая усмешки и ответила на этот раз Акира, та, что в фисташковом.

– Отец – рожденный от дракона, принцесса. Интуиция и пронительность у таких людей и вправду невероятна.

Я попыталась вспомнить, что об устройстве драконьего мира Исам говорил. У дракона рождаются только сыновья, это раз. Не все способны пережить инициацию, или сохранить себя до нее, это два, соответственно, становятся они не драконами, а «людьми, рожденными от

дракона». С драконьей кровью, то есть. Дочери от таких котируются выше некуда на рынке невест, поскольку способны родить драконам сильных и крепких сыновей, способных стать драконами, это три.

Значит, мне в сопровождение, или как у них тут выражаются «джошу», не простую прислугу выделили, а местную элиту. Прямо, как фрейлин для королевы, что говорит о том, что отец мой занимает здесь самый высокий пост. Это сразу и четыре, и пять. Ну, это мы итак знали.

– Что вы говорили о предстоящей встрече с отцом? – напомнила я девушкам.

Меня тут же увлекли в высокие деревянные двери с нежно-голубой отделкой, где, как оказалось, располагается моя личная купальня.

– Вам следует омыться и переодеться, принцесса, – сказала Аки.

– А позавтракать не следует? – уточнила я, когда в животе жалобно булькнуло.

– Конечно, принцесса... Таши, – под моим строгим взглядом исправилась Аки. – Завтрак будет подан сразу после того, как вам... (тут девушка, как ни старалась, так и не смогла перейти на ты и выкрутилась) как состоится церемония приветствия Мичио Великого!

– И мы сразу завтрак принесем, – торопливо добавила Акико. – Вы, должно быть, голоднее титанозавтра после перехода через пустыню!

– Все-таки два дня не ели! – поддержала сестру Акира.

– Сколько?! – ошарашенно выпалила я.

Оказывается, я две ночи провалялась (так говорить все-таки правильней, чем два дня, потому что сейчас, как я поняла, утро).

Только сейчас я заметила, что на мне легонькая и длинная ночнушка. На тонких бретелях, широкая, клешеная от груди, полностью скрадывающая очертания тела и все равно чуть прозрачная, как я мельком успела отметить, взглянув в зеркало.

– А как Исам? – спросила я, чувствуя, что краснею. – И Кеншин?

Девушки снова переглянулись, при этом мне показалось, что тревожно как-то.

– Что не так? – спросила я.

Ответила Аки, предварительно набрав в легкие воздуха и закатив глаза:

– Для женщины вы задаете слишком много вопросов.

– М-м? – у меня дар речи временно пропал.

– Аки, – осекла сестру Акико. – Принцесса Таши не ведает наших традиций и не знает, что...

Девушка осеклась, беспомощно кусая губы.

– Что женщине задавать вопросов не полагается? – закончила я за нее.

Все трое кивнули.

Я нахмурилась, раздумывая, уже сейчас начинать пропагандировать принципы эмансипации, или подождать до завтрака. В животе снова жалобно заурчало и выбор был сделан.

– И все-таки, – нахмурившись, проговорила я. – Хотелось бы знать о судьбе своих спутников. С ними все в порядке?

Девчонки снова переглянулись.

Наконец, Аки ответила:

– Все гости вашего отца в добром здравии, принцесса.

А две другие закивали. При этом у меня создалось впечатление, что меня не то, чтобы обманывают, скорее, не договаривают чего-то. Я уж было хотела уточнить, чего, но моим вниманием собственная купальня завладела.

Минималистичная и роскошная одновременно, как все здесь.

Просторная, посредине ванная стоит, высокая, с плавными краями волной. В одном углу – небольшой бассейн, во втором углубление, и, судя по отверстиям в стене на уровне глаз где-

то, душ, в третьем – что-то типа гладильной доски, но широкой и устойчивой, я так поняла, массажный стол, а в четвертом – пара кресел и низкий столик.

И все мраморное с золотом и в восточном орнаменте. Красиво – глаз не отвести.

Пока я озиралась и ресницами захопала, меня к самой центральной ванной увлекли, называя ту «лоханью». Она уже наполненная водой оказалась, почти горячей, с пеной и ароматическим маслом. Принюхалась: лаванда и еще что-то неуловимое.

Вопросительно на девчонок посмотрела: вот как они узнали, что я люблю?

– Лавандовый аромат свежести, гордости и свободы, принцесса Таши, – смело сказала Акико. – Нам показалось, вам должен очень пойти. Мы добавили немного жасмина, нежного и загадочного, и получилось уравновесить слишком тяжеловесные нотки лаванды.

Я снова носом воздух потянула и вынуждена была признать: свое дело девчонки знают.

Быстро избавившись от сорочки, скользнула в ванну.

Теплая вода разнежила, стало снова клонить в сон. Правда, когда мне попытались волосы вымыть, да и меня саму, вежливо отказалась. Еще не хватало, чтобы меня тут аки какую барыню обслуживали. Ведь позору не оберешься. Смешно, ей-богу.

Когда с купанием и с массажем в четыре руки к моему вящему сожалению, было покончено, насухо вытерлась и по наущению девушек, намазалась каким-то ароматным кремом. Он подозрительно шипел и впитывался в кожу, но неприятных ощущений не было, вместо этого в теле прибывала сила и легкость. Затем меня закутали в пышную банную простыню и снова проводили в комнату, которую они называли покоями. Ну что ж, покои так покои.

Самое интересное потом началось: одевание. Или, как девчонки его называли: облачение.

За нарядами девчонки еще в одну дверцу шмыгали.

Не удержалась, и, кутаясь в простыню, за ними пошла.

– Вот те раз, – вырвалось у меня.

Надо сказать, умеют здесь принцесс размещать. Полки, кронштейны, шкафы с ящиками и шуфлядками, и все это увешано какой-то царской одеждой. Ожидаемо преобладал золотой цвет, а еще белый и пастельные оттенки. Платья, кимоно, рубашки, расшитые птицами и павлинами, какие-то накидки, платки, вышитые жемчугом и бисером туфельки на плоском ходу с задранными носами... Я ощутила себя героиней из сказки Шахерезады, а от всего этого великолепия как-то странно стало. Вот оно вроде и красиво, как в музее, а душно.

Зато, когда в уголке скромно стоящий свой чемоданчик увидела и три рюкзачка рядом, мой восторженный вопль заставил девчонок подпрыгнуть.

Правда, решено было с привычной одеждой не спешить, а доверится на первый раз представленным ко мне сестрам. Да и интересно было.

Поэтому полностью положились на вкус девчонок и обратно, в свою опочивальню потопала, а они с ворохом тряпок, за мной.

Бельишко мне преподнесли закрытое, целомудренное. Трусики и маечку. Маечка с пуш-эффектом и вшитым бюстиком. Удобно. Хотя мы с Ариэлькой совсем другое бельишко предпочитаем. Максимум шика, кружев и «завлекалочка». И пусть, кроме нас, этого никто не видит, главное, мы знаем, что «там» все идеально и это очень на самооценке, кстати, отражается.

Вслед за бельишком последовала тоненькая сорочка на бретельках, длинная, с разрезами по бокам и чулочки, такие тонкие, что почти на ножках их и не видно, если бы не широкие кружевные резинки, было бы совсем незаметно. Поверх всего выдали кимоно с широкими, чуть не до пола, рукавами, с таким высоким запахом, что ключицы скрывает. Воротничок-стойка придает наряду еще более целомудренный и одновременно какой-то царственный вид.

На ноги – расшитые жемчугом туфельки на небольшом каблучке.

Усадив меня на стул с высокой спинкой, девушки высушили подогретыми полотенцами волосы, а затем нанесли на них ароматное масло. Темные пряди заблестели и при этом раз-

гладились, словно потяжелели. Потом девчонки в четыре руки соорудили высокую прическу, закрепив ее длинными деревянными шпильками с перламутровыми цветными шариками на концах.

Когда они с прической заканчивали, двери распахнулись и на пороге возникла еще одна девушка.

– Принцесса готова? – спросила она Аки... всех. – Верховный правитель идет сюда!

Меня рывком подняли со стула и вывели на середину комнаты.

Проходя мимо зеркала, бросила на себя взгляд.

Кимоно золотого цвета, расшитое драконами, несмотря на обилие ткани, сидит на фигурке, как влитое. И хоть не подчеркивает намеренно изгибов, как принято в привычном мне мире, невозможно не угадать хрупкое очертание фигурки под богатой тканью.

Высокая сложная прическа с выпущенными по сторонам от лица прядями, придает мне царственный и загадочный вид. Кожа после купания свежая, розовая, щеки чуть алеют. На контрасте с золотым цветом одеяния глаза так и сияют зелеными звездами. Не нужно быть знатоком психологии, чтобы видеть – в них застыло беспокойство. Губы нервно подрагивают. Вообще несмотря на торжественное одеяние вид у меня каким-то образом стал совсем юным и немного напуганным.

Если честно, то страшно было увидеть отца-дракона. Увидеть впервые за восемнадцать лет.

– Верховный предводитель Огненного дракарата, Мичио из клана Золотого дракона! – объявил звонкий голос.

А потом двери в покои открылись, и вошел он.

Глава 2

Одного взгляда на вошедшего хватило, чтобы понять – это мой отец.

Пространство смазалось, оставив в фокусе высокого широкоплечего мужчину с зелеными пронзительными глазами и волевым подбородком. Хищное, властное лицо, виски выбриты чуть не до макушки, иссиня-черные волосы заплетены в косы. На голове – золотой венец наподобие тех, что цезари носили, только этот украшен двумя золотыми крыльями.

Длинные золотые одежды из странной переливающейся ткани исходят сиянием. Распахнутый на груди камзол не скрывает выразительной мускулатуры и поджарого, в кубиках, пресса. Широкий пояс с круглой золотой бляхой, черные, в золотой росписи, штаны. На первый взгляд показались кожаными, но спустя секунду поняла, что это ткань, только такой в нашем мире я не видела.

Отец застыл шагах в десяти и рассматривал меня так же пристально, как я его.

Только сейчас поняла, что девушки в комнате, все, как одна, упали на колени и коснулись лбами пола, сложив ладони вместе и выставив руки перед собой. И, что совсем уж возмутительно, замерли в таком положении, явно ожидая высочайшего позволения встать.

Я на это действие нахмурилась, причем так выразительно, а отче и бровью не повел.

Его взгляд продолжал изучать меня. Пристально, не спеша. Что ж, решила я. Мне ведь тоже спешить некуда. Еще посмотрим.

На вид правителю Огненного дракарата можно было дать лет тридцать пять, но стоит взглянуть в его глаза и тут же меняешь мнение. Глубокие, пронзительные, совсем взрослые... и очень умные глаза. И... очень похожие на мои. Это сразу видно. Только глаза отче болотного оттенка зеленого, с золотыми искрами, а мои (должно быть, оттого, что у мамуль голубые) скорее изумрудные, с серебряными крапинками.

– Что ж, – наконец, изрек папахен, когда молчать, должно быть, надоело. – Стало быть, моя дочь дракон.

При этом в голосе его... не то, что громовые раскаты прогрохотали, точнее, не только они. Скорее я услышала бурю, ураган, смертоносный вихрь, что крушит все на своем пути и треск лесного пожара.

При звуках его голоса (еще в совокупности с тяжелым взглядом) захотелось стать ниже ростом, а то и забиться в какой пятый угол и не отвечать. Но инстинкты – инстинктами, а мы люди, и, значит, рождены для того, чтобы над ними властвовать... Поэтому я только плечики еще больше расправила и подбородок вздернула. Что ж. Раз он со мной без приветствий и церемоний, то и мне можно.

– Ага, – отвечаю, стараясь попасть ему в тон. – Стало быть, мой отец – дракон.

По спинам склонившихся в поклонах девушек рябь пошла. И это взбесило. Показалось, что папахен специально такой ужас внушает, подчеркнуто не замечая, что его царственность рождает раболепие.

– Девчонки, – говорю им. – Вы бы встали. Сквозняки тут, не ровен час, простудитесь.

Надо сказать, взгляд отче каким-то совсем уж пристальным стал. Уголок четко очерченного рта дернулся, а затем он пророкотал:

– Оставьте нас.

Девчонкам второй раз повторять не пришлось. Не поднимая голов, подхватили полы кимоно и мотыльками выпорхнули из комнаты.

– Сильная, – сказал отец, глядя мне в глаза, оценивающе так. При этом он вроде как обращался ко мне, а вроде и говорил сам с собой. Что раздражало, потому что не привыкла быть пустым местом. Даже не пустым, а каким-то недостойным голоса местом. – Сможешь родить своему господину настоящих драконов. Это хорошо.

И вот такой тон отца, как поняла, выбран намерено. Он мне таким образом свое пренебрежение с порога решил показать, а еще указать на мое место. Это он зря. Потому что... не надо так с родными дочерьми, кого за долгие годы впервые видишь, вот.

– А знаешь, – проговорила я приветливо-холодно. Мы с Ариэлькой умеем на место ставить не хуже папеньки. У мамуль, кстати, научились. – Спасибо, что поинтересовался, как мамочка. Она цветет и пахнет. И, надо сказать, украшает наш мир.

Брови отца сошлись у переносицы, а взгляд больше изумленный, чем рассерженный. Если я правильно понимаю, ему же не перечил никто. Вот вообще никто.

В тот же миг в комнате стремительно потемнело, а еще как будто резко закончился воздух. Только спустя пару секунд поняла, что это не в покоях темно стало, а у меня в глазах. Как поняла, что это что-то от отца исходит. Умеет отче страх внушать, и даже ужас. Неприятное состояние длилось секунд десять, а затем опять все в порядке стало. И по пристальному взгляду папахена поняла, что со мной какую-то хитро-магическую штуку отмочили нарочно. И сразу решила, что зря.

– Я рад известиям о твоей матери, – словно издеваясь, произнес папахен и глаза его торжеством сверкнули. А я еще больше разозлилась.

«Рада, что ты рад», – чуть было не вырвалось у меня, но сдержалась в последний момент.

Отче, тем временем, продолжал:

– Судя по тебе, твоя мать, находила чем заниматься в зеркальном мире, вместо того, чтобы воспитывать мою дочь.

Злюсь. Элементарно. Навесила при этом самую милую из улыбок и парирую:

– Мамочка растила меня как принцессу. Только, по ее словам, не драконью. И, спасибо, конечно, что моим воспитанием озаботился. Впервые за восемнадцать лет.

Отче снова нахмурился. Прежде, чем говорить, пожевал губами.

– Мать не говорила тебе, почему я отослал вас в зеркальный мир?

– Говорила, – ответила я. – Потому что у драконов не бывает дочерей. Поскольку непонятно было, что со мной делать, решено было отправить в мир, который ты называешь зеркальным.

Мне величественно кивнули. Я ресницами захлопала – и это все? И он считает, что я должна быть удовлетворена таким нехитрым объяснением? Это еще я не сказала, что знаю о том, что меня младенцем одну там бросить хотели, мамочка настояла, чтобы со мной поехать...

Злюсь, и при этом как-то не по себе от величия отца, его надменности и царской уверенности в себе.

– Теперь ты дома, – все также величественно произнес отец. – И сможешь выполнить твой долг, лежащий на тебе по праву рождения.

– Никаких долгов за мной не числится, – вежливо поправила я родителя. – Я вон, перед инициацией даже мастеру Горо последний спарринг сдала. Так что не надо меня моим рождением попрекать.

Говорю это, а у самой все внутри сжимается.

Так страшно было... так волновалась, прежде чем с отцом встретиться.

И вроде все идет, как надо, вон он какой – высокий, сильный, красивый просто нечеловеческой красотой. Еще и по местным меркам император, то есть, выражаясь их языком, верховный предводитель... Словом... Именно о таком отце мечтает любая девочка... А вот тепла в этой встрече нет. Ни на грамм. Не то, что не спросили, как вообще у меня дела, как и чем я жила все это время, не то, что моими успехами не поинтересовались, а ведь даже не поздоровались со мной! Да что там не поздоровались, не улыбнулись мне ни разу! И от этого такой осадок горький, как будто меня обманули. Я все-таки другого от этой встречи ожидала... Хотя бы немного... другого.

Вот и сейчас, посмотрел внимательно и пристально, и даже, как показалось, с каким-то сожалением. Словно я такую глупость ляпнула, что отче за меня стыдно. А потом, видимо, в виде исключения, решил меня поправить:

– Долг дочери – следовать своему предназначению, выполняя заветы отца.

И так важно это сказал, что я от неожиданности сначала заморгала часто, а потом губу закусила.

– А такое понятие, как родительский долг, в этом мире есть? – мягко так интересуюсь. Почти смиренно.

Отче призадумался. Похоже, такая мысль, как родительский долг нечасто занимает его царственные думы. К моему удивлению, мне ответили.

– Долг отца – воспитать сильных сыновей, – наконец, сказал, он. – Долг матери – родить своему господину сыновей. И воспитать покорных и смиренных дочерей. Твоя мать со своим долгом не справилась.

Я даже зумами скрипнула. От злости. Потому что никто и никогда не смеет говорить о моей мамочки столь пренебрежительным тоном.

– А я считаю, – начала закипать я. – Что мамочка хорошо справилась со своим долгом. Прекрасно даже. Она всегда-всегда рядом со мной была. И она лучшая в мире мамочка, о которой только мечтать можно.

Мне, наконец, улыбнулись. Точнее, усмехнулись. Снисходительно так и как-то с сожалением.

– Ты женщина, дочь. Несмотря на то, что ты дракон, ты женщина. А женщина не имеет права на мнение. Просто потому, что мнения у женщины нет. Есть флюгер, именуемый настроением. А то, что может меняться сотни раз в день, сложно обозначить какой-либо позицией.

Меня как обухом по голове шарахнули! И не столько от обидных слов, нет. По большей части от тона, которыми они были произнесены. От этой снисходительной ухмылки, от презрительного прищура умных, проницательных глаз, от тяжелого взгляда.

Я перевела дыхание... А потом уловила внутренним слухом рев! Страшный, неистовый! Дракон внутри меня ревел, столкнувшись с несправедливостью, с незаслуженной обидой! Красная пелена встала перед глазами... Губы вытянулись в одну линию, а кулаки решительно сжались.

В этот момент страх перед болью, сопровождающей оборачивание, отступил на второй план. Это все не имело значения. Все было неважно, кроме отца, который стоял передо мной, скрестив на груди могучие руки.

Отца-дракона, упивающегося собственным величием, отца, который в грош не ставил не то, что мое право на равенство, мое право на мнение!

Будь, что будет, решила я, чувствуя, как тело медленно наливается огнем, готовясь к обороту. Я покажу ему, кто я. Покажу, что я дракон!

Тело начало вибрировать, жидкий огонь растекался по венам, грозя сжечь изнутри. Внутренний рев зазвучал громче и был протяжный, похожий на зов... А потом вдруг затих.

При этом меня качнуло, повело в сторону. Сознание помутилось, как бывает перед обмороком.

Нечеловеческим усилием я осталась на ногах. С трудом перевела дыхание и подняла голову. Расплывшиеся границы мира понемногу обрели очертание. Наконец, я смогла разглядеть отца.

Спокойного, величественного. С иронично приподнятой бровью.

Сначала он просто смотрел на меня долгом взглядом, от которого хотелось скрыться, затем, дернув уголком рта, заговорил.

– Ты не обернешься, дочь. Ни здесь, ни где-то еще на землях Огненного дракарата, – величественно сказал он. – Потому что этого не хочу я. Ты не владеешь драконьей магией, при

этом находишься в ее поле. В поле, где все драконы подчинены сильнейшему на глубинном уровне. И сильнейший во всем дракарате – я. Кроме того, твой дракон юн. И он, как и все остальные, на инстинктивном уровне покоряется силе. Здесь я – средоточие силы, дочь.

Не успела я толком осмыслить сказанное, отец жестко припечатал:

– Когда войдешь в дом мужа, средоточием силы станешь твой муж.

– Но, – вырвалось у меня изумленное. – Но ведь ты сам сказал, что я дракон...

Меня окинули пристальным взглядом с ног до головы. Причем непонятно, остались довольны увиденным, или нет.

– Тем более сильных сыновей ты подаришь своему господину, – невозмутимо ответил отец.

Вдох-выдох. Привести дыхание в норму. Он не должен знать, что довел меня. Не дождется. Еще раз вдох-выдох.

– У меня никогда не будет господина, – процедила я. – Я личность, я женщина и я дракон. Рада была знакомству, но злоупотреблять твоим гостеприимством я не собираюсь.

Отец иронично приподнял бровь.

– Вот как?

– Именно, – кивнула я. – Именно так. Я сюда вообще ради Альма-матер приехала. Туда и направлюсь.

Я всего ожидала, но только не смеха. Жесткого. Властного. И, что особенно обидно, искреннего. Смеялся отец долго и с удовольствием. А когда стих, за спиной что-то зашуршало.

Я оглянулась – на подоконнике сидела кошка. Белая, пушистая, с треугольной мордочкой. Должно быть с ветки раскатистого дерева на подоконник перебралась. Я толком вид из окна разглядеть не успела, но то, что справа дерево растет, заметила.

Не обращая на нас с папахеном решительно никакого внимания, котейка уселась на солнышке и принялась умываться.

И тут отец меня потряс.

Величественно прошествовал мимо открывшей рот меня, прямо к пушистой гостье. А потом... принялся гладить ее. Кошка умываться перестала, глазищи сощурила и на морде абсолютное блаженство. Замурчала так, что мне, шагах в пятнадцати, слышно, как будто у нее там басы встроенные. Мурлыча с каждой секундой все громче, она принялась тереться об огромную ручищу отца, изгибаясь при этом и норовя обхватить родительскую конечность пушистым хвостом.

– Удивительные создания кошки, правда? – как ни в чем ни бывало, обратился ко мне отец, повернувшись.

Я только и могла, что ресницами хлопать.

– Такие мягкие, такие приятные на ощупь... и при этом независимые. Только их независимость немного другая, чем в твоём понимании, дочь. И все же они гармоничны. И в этом мудрость природы. Женщины похожи на кошек.

– Да уж, похожи, – скривилась я. – Куда там! Вон эти, которые на «джошу» откликаются, а не на свои имена, прям такими независимыми были, когда у твоих ног копошились. Прямо как кошки. Тьфу, смотреть противно.

Отец посмотрел на кошку, на меня и как-то задумчиво пожевал губами.

А потом гладить белую шерстку перестал, убрав руку за спину. Кошка выгнулась, мол, куда делись погладушки? Еще хочу! Недолго думая, она спрыгнула на пол и начала тереться о ноги родителя. Тот продолжал смотреть на меня и при этом победно улыбаться.

Затем побарабанил пальцами по подоконнику.

Пушистая, видимо осознав, что снисходить до нее не собираются, одним прыжком вскочила на подоконник и с блаженством подставила спинку под новую порцию ласки.

– Вот какая польза от кошек, Таши? – спросил отец, словно в пустоту и впервые назвал меня по имени. – Кроме того, что они красивые, мягкие и пушистые? Никакой.

– А мыши? – вырвалось у меня и на меня же посмотрели как-то с сожалением.

– Но их приятно гладить, на них приятно смотреть, когда их кормишь, они мурчат, – продолжал воспитательную работу отче. – То есть получается, одна цивилизация живет за счет другой, и при этом все довольны, потому что все на своих местах. Если бы кошки задумали состязаться с нами в силе... Боюсь, их бы ждала незавидная участь.

И снова окинул меня оценивающим взглядом.

– Я поняла, куда ты клонишь, – чувствуя, что силы возвращаются, а значит, закипая от ярости, сказала я.

Вот понимаю, почему мамуль все сделала, чтобы мы с папахеном не встретились. А еще Исам вспомнился. И подумалось, что не все драконы такие уж шовинисты. Некоторые, должно быть, в силу возраста, подлежат воспитанию.

– Но среди кошек есть и более крупные и более независимые представители, – продолжаю я, стараясь говорить, как отче, деловито, спокойно, величественно, раз уж такое дело. – Тигры, гепарды, пантеры... Может, в схватке с драконом они и не выстоят, но что-то мне подсказывает, тереться о ноги тоже не поспешат.

Отец нахмурился. Вид у него был задумчивым.

– Ты, должно быть, думаешь, что и драконы не все одинаковые? – спросил он и я вздрогнула, потому что отец словно прочел мои мысли. Потом вспомнила, что драконам свойственна развитая интуиция, и немного отпустило.

– Да, – не стала вилить я. – Думаю. И не просто думаю, а знаю. Как знаю и то, что за мной из Альма-матер драконьей прислали. Документы, или что там у них принято...

– Из Альма-матер присылают вызов, – подсказал папахен.

– Вот, вызов, спасибочки, – проговорила я. – И я инициацию прошла. И драконом стала. А значит тебе, отец, со своими планами на не виденную восемнадцать лет дочь, обождать придется.

– Пятнадцать лет, – спокойно поправил меня отче. – Именно пятнадцать лет назад я отправил твою мать с тобой в зеркальный мир. До этого скрывал вас в другом месте.

Пятнадцать? – пронеслось в голове. – Значит, я помнить этот мир должна. А потом поняла: я и помню. Отсюда мои сны, фантазии, которые всегда принимала за выдумку... И отсюда такое мощное ощущение *déjà vu* в этом мире. Как будто я с ним не заново знакоплюсь, а просто вспоминаю.

– Ты скрывал нас в стране Идзумо? – осенило меня. – Там, где священная гора Сусаноо?

Отче хмыкнул, но не ответил. И не очень-то и хотелось.

– Ладно, неважно, – пробормотала я, потому что итак поняла, что многое вспомнила, а не придумала. – Как бы то не было, вызов этот самый из вашей Альма-матер за мной пришел. И с этим ты, отче, сделать ничего не сможешь.

Отец руки на груди сложил, отчего кошка, лишенная ласки, заурчала в три раза громче.

– Тебе про вызов в Альма-матер Ичиро Исами сказал? – спросил он, и тон при этом какой-то странный.

– А что? – решила уточнить я.

Отец снова чуть губами пожевал, словно усмешку прячет.

– А то, что вызов в Альма-матер и есть пропуск в нее, сын предводителя Ледяных уточнил? И что без пропуска там делать нечего. Тебя просто-напросто не пропустит магический полог, покрывающий Долину Знаний.

Я нахмурилась. Вроде такого разговора не было, но с другой стороны, я и сама не спрашивала, да и как-то некогда было. То одно, то другое... Сюда, между прочим, спешили! Знала бы...

В общем, я промолчала. Но при этом выжидательно на папахена смотрю.

Тот прищурился и как-то победно усмехнулся, прежде чем продолжить.

– Так пропуск в Альма-матер Ичиро Исами тебе отдал?

Я опять молчу, тем более что на это сказать мне решительно нечего.

– Нет? – деланно удивился отец. – Ну так знай, дочь. Что и не отдал бы.

От этих слов больно стало и дыхание перехватило, как будто в солнечное сплетение ударили, что называется, под дых. Знаем, били. Не все студенты (да и препода) честны во время боя.

Отец же явно перемену во мне почувствовал, потому что продолжил.

– Женщина лишь орудие, чтобы сделать сильнее мужчину, – сказал он. – Но не быть сильной самой.

– Теперь я понимаю, почему мама свалила отсюда, – процедила я сквозь зубы. – Сумасшедший мир.

Стоило прозвучать упоминанию о маме, как отец нахмурился.

– Твоя мать Джун, – задумчиво проговорил он. – Ты знаешь, что ее имя значит «послушная»?

Не дождавшись от меня ответа, что, впрочем, отца ни капли не смутило, он продолжил:

– Послушная Джун из клана Огненной птицы... Непослушание она проявила только однажды.

– Когда ты меня спровадить решил, а мамуля со мной вызвалась? – вырвалось у меня.

Видно было, что воспоминание об этом отцу неприятно. Нет, на лице его это никак не отразилось. Просто я почувствовала. Драконья интуиция, наверно.

– Это было мое решение, – чуть скривившись, ответил отец, и я вспомнила, что мама говорила о том, что он должен был ей желание, за мое рождение.

– А, – догадалась я. – Когда за Виталия Владиленовича замуж вышла. Так он, если что, замечательный мужик. О таком отце каждая девочка мечтает. А каждая женщина – о таком муже.

Шевеление воздуха – и отец, с которым нас только что разделяло около пятнадцати шагов, оказался рядом. Глаза сверкают зеленым пламенем, при этом зрачок вытянулся, губы поджаты. Показалось, что сейчас ударит.

Вспомнив о закалке, полученной благодаря мастеру Горо и остальным преподам, отличающимся особым садизмом, еще больше распрямила спину, хотя куда еще-то, не отводя взгляда от отца. Губы поджала. Нет, что он меня в два счета уделает, я как-то не сомневалась. Но и сдаваться или отступить, или как всякие кошачьи там о ноги тереться не собиралась.

И отец ударил.

Только не делом.

Словом.

Нехорошо усмехнувшись, он произнес:

– Ты знаешь, что я пообещал тебя кланам?

При этом продолжал глазами буравить, и от этих вытянутых зрачков и зеленого пламени было, если честно, жутко.

Я взгляда не отвела (исключительно... не знаю уж, благодаря чему) и нарочито спокойно ответила:

– Двум, знаю. Из Подземного Дракарата и Ледяным.

Глаза отца полыхнули торжеством.

– Всем, – сказал он, наслаждаясь моей реакцией.

Хотя я, конечно, в обморок не грохнулась, на ногах устояла, да и покер-фейс... Но это короткое слово будто шокером шарахнуло.

– За мою дочь будут биться сильнейшие, – добавил отец.

Я промолчала. Потому что не знала, что на такое сказать.

– Сегодня, – с нажимом сказал отец. – В общем зале меня с моей дочерью поприветствуют сильнейшие представители драконьих кланов. Все, кто будет биться за тебя.

– Рыцарский турнир? – поинтересовалась я. – Боюсь, турнир опоздал.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил отец.

– Ничего, – ответила я. – Кроме того, что победитель предопределен.

– Предопределен? – переспросили меня, нахмурившись.

Я кивнула.

– Я уйду из твоего дворца и с твоей земли с Ичиро Исами, первым сыном предводителя клана Ледяного дракона.

Ухмылка у отца какая-то совсем нехорошая стала.

– Почему ты так решила? – спросил он.

– Потому что его выбрал мой дракон, – просто ответила я.

Отец смерил меня долгим взглядом, и, не говоря ни слова, вышел.

Глава 3

Я подошла к окну. Уперевшись руками в подоконник, который успела покинуть кошка (сбежала, зараза хвостатая, как только папахен ушел!), высунулась наружу и глубоко вдохнула. Повторила глубокий вдох и не менее глубокий выдох несколько раз.

Понемногу ритм сердца пришел в норму.

Опустила взгляд вниз – высоко. Не для дракона, конечно. Для человека. Если с нашими домами сравнивать, этаж шестой примерно.

Внизу песчаные дорожки, пышные клумбы, аллеи. Сад. Деревья здесь огромные. Самое большое тянет ветки в сторону папочкиного дворца. По ним и скользнула в комнату бесстрашная кошка, которой уже след простыл.

Я задумчиво перевела взгляд на небо. Синее, чистое, прозрачное. И потянуло в эту синеву со страшной силой. А потому чуть не зарычала в голос.

Это что же получается – мало того, что я, оказывается, не имею права на мнение (собственно, вообще мало на что право имею, даже ни на что, кроме, разве что права на место породистой кобылицы в доме мужа-дракона), так я еще в папочкином дракарате обернуться не могу? И, несмотря на мое заверение в том, что мой дракон выбрал истинную пару, его слушать никто не собирается? Моего дракона?!

Если честно, первое чувство было, когда встретила и заговорила с отцом – страх. Вот просто страх, потому что он элементарно сильнее, старше... чего там, умнее.

А потом злость. Просто злость, и все тут.

На это индюшачье (извините, драконье) самодовольство, на откровенное пренебрежение. Мной, как дочерью. Как личностью. Как драконом.

Все больше и больше понимаю мамочку, почему она навсегда закрыла для себя двери в этот мир. Потому что быть рядом с таким вот... пусть и величественно-блистательным драконом – умным, сильным, властным... Но быть для него чем-то сродни домашней кошке, которую хочешь – гладишь, для своего же, кстати, удовольствия... А хочешь – другую кошку гладишь... Они все только и ждут твоей ласки и твоего внимания...

И вот вспомнился отчим. Тоже сильный. Тоже властный. Надежный.

Вспомнились его слова, которые на всю жизнь в память врезались. О том, что никогда и ни при каких обстоятельствах не будет самоутверждаться за счет женщины, просто потому, что она слабее. И на этом все. А это значит, что мамочке рядом с ним просто хорошо, уютно и безопасно. Настолько безопасно, что она даже скандалит с удовольствием, прямо с апломбом, театрально и... с любовью. И все в доме знают: вслед за мамочкиным возмущением последуют объятия и поцелуи. А потом она еще что-нибудь придумает.

Здесьних женщин и мужчин я особо пока не видела, но вот реакция девчонок джошу на появление папахена, если честно, покорила.

Пока я стояла у раскрытого окна и рассуждала, дверь в покои отворилась.

Три уже знакомые девушки внесли подносы разной степени наполненности.

Тут же в воздухе замелькали ароматы съестного, а живот заворчал, на этот раз так жалобно, что решено было все планы по диверсионной тактике отложить на потом.

Ничуть не возражая, позволила увлечь себя к словно по мановению волшебной палочки, сервированному столу.

Что ж, судя по всему, голодом здесь морить не собираются.

Мясо нескольких видов, птица, блюдо с сырами и крупными маслинами, какая-то ароматная каша, не поняла, из какой крупы, скорее всего, у нас такой просто нет, с овощами, шпакки с запеченным сыром и маленькими вялеными томатами, хлеб трех видов, от пышного белого карая, нарезанного тонкими ломтями до небольших круглых лепешек и черного, с семенами

и сухофруктами, масло... А кроме этого, огромное блюдо с фруктами: несколько видов хурмы, те самые виденные мной уже розовые лимоны, что-то похожее на папайю и манго...

– Эм... – вырвалось у меня.

– Мы не знали, что вы любите, принцесса, поэтому принесли всего понемножку, – сказала Аки.

– Понемножку, – хмыкнула я, но на этом слова закончились, потому что все оказалось просто умопомрачительно вкусным, но еще, подозреваю, двое суток голода сказались. Поэтому уписывала предложенное за обе щеки, со скоростью, которая сделала бы честь драконам...

Наконец, сыто отвалилась на спинку стула и насладились охлажденным травяным отваром.

– Аки, – спросила я стоящую ближе всего девушку (как ни пыталась уговорить их присесть, не удалось. Заявили, что все то время, пока я с папахеном беседовала, сидели себе, отдыхали, а я, значит, на ногах). – Это я, получается, здесь типа пленница и меня из покоев выпускать не велено?

Девчонки переглянулись. Тревожно как-то.

Потом Аки забормотала:

– Вы принцесса Таши, дочь верховного предводителя Огненного...

– Это я помню, – перебила я девушку. – Мне отсюда выходить дозволительно, или это что-то вроде золотой клетки?

– Вы имеете ввиду, выйти в сад, принцесса? – осторожно спросили у меня.

Ну, в сад, так в сад. Начнем с малого.

Уже покинув покои, я пожалела, что не переделалась в привычные вещички. Потому что местные наряды для нормального, энергичного променада не предназначались. К слову, мало для чего они предназначались, кроме неспешных прогулок по парковым аллеям и дворцовым залам. Потому что я в юбках этого кимоно путалась, а еще они, юбки узкие какие-то, на нормальный строевой шаг не рассчитаны. Но возвращаться в покои не хотелось, ощущение, как в детстве – домой пойдешь, а мама загонит обедать. Мамы здесь не было, и дома не было, и вот это было совсем печально. В общем, потопала я за девчонками по коридору.

К моему удивлению, лифт здесь был. Принцип работы механизма остался за кадром, потому что электрических розеток и вообще электричества здесь вроде как не наблюдала, но лифт, который вместил бы двадцать таких как мы с тремя Аки, работал слажено, исправно и очень плавно. Я про себя до десяти досчитать не успела, когда его створки распахнулись и не закрывались, пока мы не вышли. А вышли мы сразу в сад. Прямо такой, как на картинках со страниц детских сказок.

Пышный, зеленый, с невероятным количеством цветов на клубках самых разных форм и размеров, с беседками, какими-то тонкими и изящными, словно кружевными, скамеечками, фонтанами с разноцветными рыбками и павлинами на дорожках.

Откуда ни возьмись, на дорожку перед нами выпрыгнула то ли мартышка (судя по ушастой мордочке), то ли белка (судя по размерам и хвосту), и, встав на задние лапки, передними постучала по животу.

– Как тебе не стыдно попрошайничать, – возмущенно сказала я зверьку. – Ты – дикое и вольное животное.

Белка склонила голову набок, как будто понимает, а потом похлопывание по животу повторила.

Я рассмеялась и обернулась к девчонкам, поинтересовалась, нет ли у них орешков. Орешков не нашлось и поэтому мы прошли дальше.

Несколько раз нам встречались женщины. Красивые, в роскошных нарядах, но какие-то странные, не отвечали на мое «здрасти», вместо этого так и буравили взглядом. Все в сопровождении джошу, те глаз поднять не смели, но зыркали искоса.

На мой вопрос, а где, собственно, хотя бы один заваливающий дракон, девчонки часто заморгали.

– Это женская половина дворца, – сказала, наконец, одна из девушек. – Сюда драконы не заходят.

– Эм, – вырвалось у меня. – Это я, что ли, в гарем попала? Я раньше только читала о таком. Любопытно, конечно, но мне бы потолковать кое с кем. Блондинистым. По поводу моего то ли вызова, то ли пропуска в Альма-матер. Короче, насчет документов.

Девчонки переглянулись с таким видом, мол, о чем она.

Ладно. Не дождавшись вразумительного ответа, пошла дальше. И вот вся эта старательно созданная красота какой-то чересчур уже казалась. И улыбки у девушек слишком уж наигранными. А глаза женщин, которые по дороге встречались (мне объяснили, что это жены и наложницы отца) – злыми.

Через какое-то время ожидаемо натолкнулась на ограду. Белую, изящную, как и все здесь. В форме эдакой кружевной решетки, плющом увитую. Высокая, метра три. Для человека высокая. Мне, если бы только была возможность обернуться... высокой бы не показалась. Мимо ограды шла долго, больше из упрямства, чем из любопытства. И так было ясно, что как породистая кобылка, угодила в загон и никто меня отсюда без приказа светлейшего (или верховнейшего?) родителя не выпустит. И это все больше и больше злило.

Наконец, когда обошла полсада где-то, а девчонки мои даже запыхались и бросали на меня какие-то укоризненно-жалобные взгляды, прибежала еще одна джошу. Тоже с несколькими косичками с шариками, в кремовом кимоно в бабочках.

Поприветствовав меня почтительным поклоном (я тоже руки у груди сложила и склонилась перед ней, потому что невежливо было бы не склониться, правда, девчущку это, похоже, больше напугало, нежели обрадовало), она дрожащим голосом объявила, что мне следует прошесть обратно в покои для переодевания. Мол, торжественная церемония скоро, представление драконам, битва сильнейших и все такое...

На мой вполне резонный вопрос – а этот наряд, что на мне, он как, не для торжественных случаев, на меня посмотрели, как будто я не из другого мира прибыла, а, скажем, с луны свалилась. Вот только что, на глазах у этих четырех. Из чего сделала вывод, что нет, не торжественный. Повседневный.

Поразмыслив, чем сие (переоблачение), а собственно, и сама торжественная церемония мне грозит, и придя к выводу, что ничем особенным, кроме того, что Исама встречу, а значит, смогу об Альма-матер поговорить, я решила ответить согласием на приглашение «возвратиться в покои».

При мысли о том, что увижу блондинистого дракона, в груди становилось жарко, ноги и руки наливались странной сладкой тяжестью, а щеки начинали предательски краснеть. Гормоны всех миров, объединяйтесь, называется.

Я, конечно, все эти гормональные бунты пресечь пыталась, и даже делать вид, что решительно ничего не происходит, а в груди у меня теплеет, стоит только о нем подумать, так это из-за того, что он теперь – мой пропуск отсюда. Из золотой клетки, в которой родитель меня запер, и при этом не скрывал, что в ближайшее время у меня появится новый, тьфу, господин.

А еще как-то по-детски было обидно, хоть поняла уже, что глупо от отца ждать участия к моей жизни, как, скажем, от отчима... но все равно ком в горле вставал, стоило подумать, что ему вообще плевать. Посмотрел на дочь-дракона, решил, что подходит в качестве награды «сильнейшему», и все. Ни о детстве расспросить, ни об увлечениях, о мечтах...

Виталий Владиленович постоянно занят был, но никогда не забывал спросить, о чем я думаю, о чем мечтаю, как представляю свою жизнь в будущем...

Почему-то казалось, что Исам бы и расспросил, и выслушал. И хоть отче как-то слишком уж глумливо намекнул на то, что вызов в Альма-матер Исам мне не отдал, все же, хотелось верить, что это оттого, что просто не до этого было, и все тут.

В покоех работа кипела полным ходом. Все было завешено какими-то тряпками, я имею ввиду, нарядами, на длинном столе у стены переливалось что-то, судя по блеску, украшательное.

Незнакомые мне девушки в похожих нарядах спорили, что лучше «подойдет принцессе для торжественной церемонии»... Я меланхолично жевала сладости и попивала кофе с молоком (на счастье он здесь есть, оказывается, и мне Акира его прямо на крошечной жаровне, что приволокли прямо в покои, варила), и поэтому стойчески терпела собственное переодевание.

Кимоно «для выхода в свет» мне выбрали не просто расшитое золотом, а вроде как драгоценными камнями усыпанное и оттого тяжелое, чуть не в несколько килограмм весом. Длинное, до земли, но расклешенное, и в разрезах нижняя нежно-голубая юбка видна, а в вырез на ключицах – нижняя рубашка из той же голубой ткани, по канту жемчугом отделанная. Рукава у кимоно с разрезами, от локтя, и спускаются практически до пола. Туфли дали тоже золотые, на вид – твердые, на ощупь изнутри – мягче тапочек.

После того, как кимоно на меня водрузили (слово надели все же какое-то не то), и поверх широким поясом обмотали, я почувствовала себя в футляре.

Но больше всего прическе досталось: в нее воткнули двух золотых птиц по бокам, и одну спереди на букли посадили, каких-то золотых с камнями шпилек навтыкали, с висюльками, поверх этого всего – золотую сетку с крыльями. Я так поняла, это у них здесь вроде короны.

Как в зеркало себя увидела – не узнала. Передо мной стояла золотая кукла, правда, с моим лицом и нахмуренными бровями. Правда, это меня совсем не портило. Даже наоборот, казалось, что с таким «футляром» некая стержность вообще должна в комплекте идти.

А затем... я не поняла, что произошло. Я скорее почувствовала, нежели услышала, тяжелые шаги за дверью.

– Отец, – сказала я девочкам, которые порхали вокруг, довершая мой образ последними штрихами, поправляя складки, нанося блеск на губы и подводя темной краской нижнее веко (эх, сказали бы раньше, я бы им свою косметичку на разграбление предоставила, не жалко. Хотя их стараниями итак получилось шикарно).

Отец вошел снова после предварительного объявления.

Окинул меня оценивающим взглядом, непонятно, остался доволен или нет. Вроде кивнул, значит, доволен. Хотя мне все равно, если честно.

– Ты готова предстать перед сильнейшими из кланов Огненного, Подземного и Воздушного дракарата? – спросил отец.

Я чуть не спросила, а Водный куда делся, а потом вспомнила, что у них вроде как чуть ли не война с ними. Собственно, из-за этого сыр-бора меня и вытащили в этот мир. Кажется, папахен с помощью моей руки (и меня в придачу с вредным характером, чего уж там) хочет... кажется, поддержки кланов, что ли.

И вот мне показалось, или в голосе отца сейчас гордость прозвучала?

– А можно вопрос? – спрашиваю.

Папахен нахмурился. Девчонки-джошу побледнели.

Я вспомнила, что женщине вроде как неприято тут задавать вопросы. И тем не менее посмотрела на родителя так выразительно. Интересно, опять будет изображать из себя такого всего властного и блистательного или поучать меня придется?

Но, к моему удивлению, мне величественно кивнули.

– Спрашивай, – милостиво разрешили.

– А зачем тебе все это надо? – честно спросила о том, что больше всего интересовало. – Маскарад этот весь, с помещением меня в этот футляр и представлением неким драконам?

Папахен брови нахмурил, а я, пользуясь его молчанием, продолжила.

– Я же, как была тебе не нужна восемнадцать лет, так и дальше не понадобится? Неужели нельзя было мою передачу или как там у вас это принято по-быстрому обстричь и всего делов? Без вот этого вот апломба, суровый отец и покорная дочь, что характерно?

Отче меня таким взглядом смерил, что не по себе стало. Но отступить я не собиралась. Сам же спросить разрешил. А еще мне во все это почему-то не верилось. Вот не верилось и все тут. Ну не бывает так, чтобы студентку двадцать первого века как какую-то породистую кобылицу, словно на торгах какому-то драконьему клану отдавали. Вот не бывает, и все тут.

Отче молчал, но взгляда не отводил, смотрел. Причем вопросительно так, мол, это все? Или у меня еще что сказать, есть?

А у меня всегда найдется, что сказать.

– Если тебе все равно, что истинная пара у меня есть, – продолжаю я. – Из этого один вывод напрашивается: у тебя есть на примете, кому меня пристроить. Или я ошибаюсь? А раз так, то к чему это шоу?

Отец чуть нахмурился, словно думал, отвечать или нет. А потом проговорил:

– Море потому велико, что не пренебрегает мелкими речками.

Я стою, ресницами хлопаю.

– Это все? – спрашиваю. – Весь ответ? Спасибо.

– Это мудрость Водных драконов, – сказал отец. – Если я хочу противостоять врагу, я должен мыслить, как враг. Стать им.

– Стать своим врагом?

Я нахмурилась, подозревая, что отвечать мне не хотят, мудрствуя в ответ исключительно из вредности. И впервые мысль закралась, что моя собственная вредность, она у меня не просто так.

Отче же, внимательно глядя на меня, продолжал:

– Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых. Солнце светит без цели кого-то согреть. Нашедший себя подобен солнцу.

– Ага, спасибо, – сказала я, кивая. – Очень поучительно. Пошли. Нас заждались твои драконы, поди.

Отец усмехнулся. Показалось, что ему нравится, что не трясусь и не падаю в обморок, а вполне себе храбрюсь даже. Как умею.

Ну а как мне реагировать, если по-человечески со мной общаться он не желает? Не очень-то и хотелось, значит. В конце концов, у каждого своя гордость.

– Водному дракарату никто не бросал вызов, дочь, – сказал Мичио Кинриу, верховный предводитель Огненного дракарата. – Слишком они многочисленны и сильны.

Отец выдержал театральную паузу.

– Предводитель, – говорю, причем глаза папахена при этом нехорошо сверкнули, зацепило, значит, что не отцом назвала. А я покер-фейс и ресничками хлопаю. – Ты же предводитель, а не драматург. Ты к чему это все?

Снисходительно усмехнулся. А взгляд при этом жесткий. Хищный. Почти жестокий.

– Увидев мою дочь на общем собрании в главном Святилище Огненного дракарата, каждый из сильнейших воинов кланов захочет получить ее.

– Ну и что? – спросила я. – И что, что каждый захочет? Получит-то в итоге один.

И перед глазами предстал некто блондинистый. И, боюсь, при этом какая-то глупая улыбка вылезла.

Отец новым взглядом на меня посмотрел. При этом в глазах его мелькнуло сочувствие.

– За честь сражаться за мою дочь в поединке сильнейших каждый клан обязан поддерживать меня в противостоянии Водному дракарату, – наконец, снисходительно пояснили мне.

– А, вот оно как, – протянула я. – Так это фарс, значит. С самого начала и до конца. Фарс и политика. Что ж, пусть сражаются. Отчего бы мечами не помахать... или чем там у вас, у драконов, принято. Все равно и ты, и я знаем, что мой дракон выбрал истинную пару. И меня выбрали.

При этом, чувствую, щеки покраснели. А я себя как-то уверенней почувствовала.

Отец на меня посмотрел как-то странно, даже показалось, с жалостью, и ничего не ответил.

– Ты готова? – спросил он. – Или есть еще вопросы?

– Родительское напутствие будет? – спрашиваю, а сама злюсь.

– Сделай всё, что сможешь, – сказал отец. – А в остальном положишься на судьбу. Ты, все что могла, сделала, дочь. Смирись. Чем раньше это случится, тем лучше.

– Смиранных дочерей надо было растить в этом мире, – ответила я, и, прежде, чем отец успел снова углубиться в пространственные рассуждения и мудрость, объявила. – Я готова. Кого ждем?

Я ожидала, что мы, как положено, выйдем через дверь, ну, не знаю, спустимся на лифте и пойдем... где там у них это Святилище главное находится? Вместо этого отец шагнул ко мне и взял за руку, как тогда, когда с драконами из другого мира в этот перемещались.

Отец сделал какой-то пас рукой и я часто заморгала, оттого, что голова закружилась.

Отец держал меня крепко, словно ожидал, что меня поведет в сторону.

А я открыла глаза, и пока моргала, временно ослепленная обрушившимся со всех сторон светом, чей-то голос объявил:

– Верховный предводитель Огненного дракарата Мичио Кинриу с дочерью Таши Кинриу. Зрение вернулось и я еле сдержалась, чтобы не ахнуть.

Мы стояли на возвышении.

В месте, похожем на старинный амфитеатр. Под открытым небом, пронзительно-синим. И белое солнце в самом зените. А вокруг, на полукругом окружающих помост ступенях, стояли драконы. Со светлыми, темными, красными, коричневыми волосами. Коренастые и более вытянутые, разной комплекции и степени рельефности, но неизменно с выразительной мускулатурой, в искрящихся на солнце одеждах, распахнутых на груди, с четкими, словно нарочно выверенными линиями. С разными лицами и глазами, но одинаковыми взглядами. Хищными. Изучающими. Вождедеющими.

И эти вот взгляды, все устремлены на меня.

А еще они не толпой стояли, а на отдалении друг от друга, и я поняла, что это для того, чтобы взлетать было проще. И тут меня осенила догадка: должно быть, они будут биться в воздухе. И сама мысль об этом такая захватывающая и волнительная была, что я чуть было знакомое смуглое лицо не пропустила.

Кеншин заметил мой взгляд, улыбнулся, обнажив белые зубы, и кивнул. С таким же самоуверенным видом, словно только что расстались.

Я нашла взглядом Исама. И стоило увидеть его, как мир вокруг блондинистого привычно утратил очертания, а внутри ухнуло.

Исам тоже улыбнулся, ободряюще и кивнул. И на этот раз я сказала ему взглядом:

– Я в тебя верю.

Глава 4

Солнце нещадно палит, золотой футляр, что водрузили на мои хрупкие девичьи плечи, весит неизвестно сколько, драконы плятятся в открытую, а у папахена на морде лица такая победная ухмылочка. Увидел, значит, какая на меня реакция у сильнейших драконов кланов, то бишь, женихов, и просиял!

Только вот забыл, что у меня на свою жизнь свои же планы. И с ролью породистой кобылиц в одном из местных гаремов планы эти ну никак не связаны!

– Здесь сильнейшие кланов, – сказал мне папахен, не поворачивая головы. – И каждый из них жаждет получить дочь дракона. С такой поддержкой Водный дракарат не устоит против нас, дочь.

При этих словах папахен руку правую поднял, видимо в приветственном жесте и амфитеатр потряс громогласный рев. На приветствие папика ответили все, все эти разноцветные драконы в сияющих одеждах, и орали еще при этом что-то, глотки-то луженые...

Дождавшись, пока ор стихнет и даже ни разу не поморщившись (а это было непросто), я, тоже к папахену головы не поворачивая, со сладкой улыбочкой произнесла:

– Девичья мечта просто. Я – в красивом платье и целая площадь женихов. А главное, знаешь, что, предводитель? Среди них Исам – сильный, спокойный и уверенный. И я в нем уверена. Что победит.

По дрогнувшим желвакам на щеках отца, что боковым зрением мне видны, поняла, что достала родителя. Особенно ему обидно «предводитель» от меня слышать.

Но, прежде чем он что-то сказать успел, я в точно таком же жесте, как он, левую руку подняла, приветствуя драконов.

И рев потряс стены амфитеатра! И даже, казалось, небеса пронзил! Ревели однозначно, громче и как-то очень слаженно. И все правые руки подняли, отвечая на мое приветствие!

Взглянув на то место, где Исам стоит, увидела, что блондинистый корчится от смеха, но руку в приветственном жесте, как все, поднял.

Я даже растерялась немного – чегойта блондинчик ржет?

Но папенька объяснил.

– Я не приветствовал драконов, дочь, – прошипел он, стиснув зубы, но его голос несмотря на стоящий вокруг гвалт, довольно-таки отчетливо услышала. – Я предложил им биться за свою дочь, вызвал таким образом, на священный поединок!

– Эм, – пробормотала растерянная я. – А я, что, значит? Тоже на священный поединок их всех вызвала?

– Это немыслимо! – продолжал отец, стиснув зубы.

– А со мной они больше согласились, – решила покапризничать я. – Выразительнее.

– Ты сама предложила состязаться за тебя! – прошипел отец. – Неслыханная дерзость!

Я плечами пожала.

– А я предупреждала: покорных дочерей надо было в этом мире воспитывать. Глядишь, была бы сейчас такой же клушей: не то человек, не то джошу.

Искоса на папика взгляд бросила и мысленно ладошки потерла: довела.

Драконы продолжали выжидательно смотреть. Все, кроме Исама серьезные. Я сначала ему тоже улыбнулась, а потом внутри что-то кольнуло. Неприятное. Как-то стыдно за весь этот фарс, за отца-дракона, который единственную дочь практически на торги выставил. И я же его еще поддержала, своим жестом! А еще вспомнила, что ведь действительно, приглашение в Альма-матер Исам так мне и не отдал... и отвела взгляд.

Папахен заговорил.

Глухой, раскатистый голос разнесся над амфитеатром.

– Порой один миг дороже сокровища, – начал он. – И в этот миг, когда все вы со мной, когда мы едины – бесценен. Вместе мы сможем противостоять Водному дракарату, и я, верховный предводитель Огненного дракарата обещаю вам дочь и победу!

Драконы заревели снова, а мне как-то сильно не по себе стало. Скорей бы все это шоу закончилось. Надоело. Тряпки эти золотые надоели. Взгляды... слишком уж выразительные... Тоже. Сейчас бы на пробежку, на спарринг, а лучше обернуться и в синее-синее небо пронзительной золотой стрелой... Скорей бы уж это состязание. Потому как, уверена, чей-то Ледяной дракон победит. И впереди меня ждет Альма-матер (заждалась, поди) и... счастье совместного полета (это изнутри драконица подсказала).

– Сегодня я принимаю слово всех кланов, – продолжал вещать папахен, и что-то в его интонациях мне каким-то тревожным показалось. Почти угрожающим... – Кроме одного.

Отче замолчал, а у меня ком к горлу подкатил, а в ушах тревожно пульсирует.

– Ледяной клан поддержал в противостоянии Водный дракарат, – сказал папахен, и Исам, который внимательно, как и остальные, слушал, глаза вытаращил, а затем брови нахмурил, словно для него это новость. Папахен же, выдержав паузу, произнес: – Поэтому представитель Ледяного клана не будет биться за принцессу.

Это, как это не будет?! – запульсировало в висках. – Как это?! А остальные будут, значит?! А Исам? Исам – моя истинная пара!

Я переводила недоуменный взгляд с Исама на отца. Один стоял нахмурившись. Второй – как-то победно ухмылялся. И ни тени сожаления на красивом лице!

– Представитель Ледяного клана, Ичиро Исами, ты должен покинуть Святилище, – громовым голосом пророкотал папахен. – Ты не участвуешь в боях.

Я только и могу что ресницами хлопать и дыхание в норму приводить. Это шутка? Этого не может быть! Просто не может! Потому что этого не может быть никогда!

Исам нахмурился. Вместо того, чтобы папахенскому приказу следовать, он спустился вниз по ступеням и пересек площадь, направляясь к помосту, на котором мы стоим.

– Я не понимаю тебя, Мичио Кинриу, – произнес блондин в наступившей тишине. – Ты сам отправил меня за своей дочерью в зеркальный мир, и тогда же принял Слово нашего клана, пообещав, что я удостоюсь чести сражаться за принцессу на священных боях?

Папахен губы поджал.

– Я сказал то, что сказал, Ичиро Исами. Ищи себе невесту в другом дракарате. Я не обещаю тебе дочь в случае победы. Потому что твоей победы не будет. Ты должен покинуть мой дракарат. Отныне ты здесь – нежеланный гость.

– Я не покину твой дракарат без твоей дочери, Мичио Кинриу, – спокойно ответил Исам. – Если надо – я буду биться со всеми драконами разом и с тобой, верховный предводитель.

– Ты не будешь биться с драконами, потому что я, верховный предводитель Огненного дракарата не допускаю тебя к боям! – прогрохотал отец. – Если ты нее покинешь мой дракарат сейчас же, станешь не желанным гостем, а пленником!

Исам только руки на груди сложил и взгляд перед папахенским опускать и не думал.

Что, черт подери, происходит?! – хотела спросить я, но не смогла. Рот просто-напросто не открылся. Это что, Исам будет отцовским пленником?! (почему-то в то, что блондинистый дракон пойдет на попятную, мне не верилось)

А я... меня разыграют, как приз и отдадут какому-то из этих напыщенных драконов? Которые даже мой золотой футляр уже глазами до дыр протерли?!

Я снова попыталась вмешаться. Не удалось.

Показалось, что пространство странным образом зазвенело и сгустилось.

– Уходи, Ичиро Исами, – сказал папахен.

– Нет, – ответил Исам.

И тут я поняла, что у них сейчас что-то вроде магического поединка. Хотя я и понятия (в силу молодости своего дракона) не имею, что значит эта хваленая драконья магия, но, готова поспорить, папахен ей сейчас нехило качнул. У меня даже в глазах помутилось и колени подкосились.

И вместе с этим я посчитала, что должна вмешаться. Вон немедленно должна. Потому что роль «молчи женщина, пока джигиты разговаривают» вовсе не для меня! Не для Александры Кинриу, дочери, так его, дракона!

Нет! – почти вырвалось у меня, но при этом ничего не произошло. Я словно застыла золотой статуей рядом с отцом! На какой-то миг словно увидела себя со стороны: величественная, молчаливая... и до противного покорная воле отца!

Нет!! – билась моя воля, словно в клетке, силясь вырваться наружу и заорать, что не собираюсь принимать участие в этом фарсе, в этих чертовых смотринах, в этом нечестном поединке!

И, словно откуда-то издалека, из самых глубин, услышала рев.

– Не смей противостоять мне, дочь, – произнес папахен, не поворачивая головы. – Если не хочешь остаться без дракона.

Я не смогла ничего ответить. Рот не открывался. Я словно превратилась в статую. А дракон внутри все ревел и ревел. И я слушала.

Я не слышала его с тех самых пор, как оказалась у отца в дракарате.

Дракон словно замер, затих, напуганный силой вожака клана.

Ему словно сказали, что неповиновение вожаку грозит страшным, и он понял, поверил.

И вот сейчас, наблюдая эту несправедливость, глядя, как у нее отбирают пару, истинную пару, которую она выбрала, драконица обиженно взревела!

Каким-то образом я поняла, что не смогу ничего сделать сама, то есть, будучи в человеческом теле.

Словно в подтверждение моим словам, Исам, спружинив коленями, взвился в воздух, и вот уже в воздухе замер, маша крыльями, Ледяной дракон!

Серебристый! Сияющий! Великолепный! С огромными сними глазами, мощными крыльями, гневно распахнутой пастью!

Увидев свою истинную пару, драконица заревела, оглушая изнутри и рванулась к нему!

А я словно отступила назад, выпуская ее на волю.

Привычный жидкий огонь разлился по венам... Перед глазами встала красная пелена. Рев дракона, который рвался на свободу, навстречу своей истинной паре, оглушал.

А в следующий миг, когда мир взорвался ожидаемой болью, свет перед глазами померк.

Словно со стороны я увидела, как хрупкая фигурка в золотых одеждах, оседает на помост. Как в замедленной съемке подкашиваются колени, глаза закатываются и закрываются, и вот она лежит, неловко вывернув руку.

Рядом стоит отец с перекошенным от злости лицом.

А сверху кружит Ледяной дракон и зовет подругу.

Это было последнее, что я видела.

Навалилась тьма.

Глава 5

Мама... мамочка... мамулечка... как же плохо! Не вынести этого, не вынести! Больно. Голова... раскалывается. И тошнота. Снова и снова сотрясает спазмами, и с каждым спазмом все ярче и ярче вспыхивает боль. Страшная, неистовая...

И кружит, кружит... мутит.

– Мамуль, – шепчу запекшимися губами, но вместо шепота из груди вырывается сип.

Я закашлялась и снова застонала от боли.

Плохо... Что со мной? Я никогда и ничем не болела... Мамуля! Мамулечка...

Чьи-то руки бережно подхватили под голову, под плечи. К губам приложили холодное.

Прохлада.

Как же не хватало прохлады!.. в горле пересохло... Странное ощущение, – одновременно тошнит и хочется пить...

– Пить, – прошептала я и поперхнулась.

В горло потекла тоненькая струйка.

Сглотнула, не ощутив вкуса. Тело снова свело судорогой боли, а пить захотелось еще больше.

– Мама, пить, – прошептала я.

Меня держали бережно и крепко. Снова что-то прохладное прижалось к губам, приоткрывая их. Снова делаю глоток. Это выматывает. Нет сил даже на то, чтобы открыть глаза.

– Еще, – раздался голос, больно резанув слух. Это не мама. – Вы должны выпить еще, принцесса.

Нечеловеческим усилием делаю глоток и в следующий миг тело содрогается, а из горла вырывается хрип. От боли.

– Бедная принцесса, бедная принцесса, – слышится чей-то шепот.

– А ну, брысь отсюда! – резкий возглас пронзает виски болью, заставляет скрючиться.

– Лекарь, как она? – все тот же настойчивый голос.

Почему так громко, неужели непонятно, что он... Она... терзает меня?

– Ничего не могу сказать, – новый голос, мужской, хмурый и такой же сосредоточенный. –

Отойдите, госпожа. Я усилю магию.

Легкие, удаляющиеся шаги...

Новая волна боли... Девятым валом! Меня крутит, переворачивает! Режет волной, бьет о дно, тащит по камням!!

– Мама, – хриплю я, прежде, чем потерять сознание.

Я пришла в себя от тошноты.

Стоило открыть воспаленные глаза, как голова закружилась еще больше. Показалось, что движутся стены. Желтые, с золотыми иероглифами... Значит, я в своей спальне, во дворце отца. Я думала, после таких мучений умирают.

– Мама, – зову я, зная, что мама не придет. Что она в другом мире. Здесь его называют зеркальным. – Позовите мамочку... Пить...

Надо мной склонилось чье-то лицо. Сначала мир качался, пространство мазалось, было нечетким, а потом смогла разглядеть. Женщина. Даже сейчас, когда я, кажется, умираю, не могу не подметить ее неземной красоты.

Смутная, иссиня-черные волосы зачесаны назад. В чем-то синем, что очень подходит к ее синим глазам. Огромным и надменным. Но сейчас... кажется, сейчас... в них плещется сострадание.

– Принцесса пришла в себя, – сказала она и я узнала голос.

Я слышала его, когда звала маму и прощалась с жизнью. Мне никогда не было так плохо.
– Благодарите небо!

Тут же раздались сдавленные рыдания, а между бровей женщины пролегла морщинка.

– Пить, – прошептала я. – Пить.

– Помогите принцессе, – властно сказала женщина и рыдания прекратились. Мне заботливо приподняли голову и плечи, подложили под спину подушки.

– Пей, дитя.

Женщина сама подала высокий прозрачный сосуд. На бокал для шампанского и пробирку одновременно походит. В сосуде плещется изумрудная жидкость, шипит. Мне почему-то тархун напомнило. И по вкусу тоже. Какие-то травы, сладость, освежающее что-то... Кажется, это я пила, когда совсем подыхала.

– Сделайте еще сока межму, – распорядилась девушка.

Краем глаза я увидела, как девчонки в знакомых кимоно мотыльками метнулись к выходу.

– И пригласите господина лекаря! – крикнула им в спину женщина.

Я поморщилась, а дверь, стоило ей захлопнуться, опять отворилась.

Быстрыми шагами к постели подошел человек. С хищными чертами лица, пристальным, внимательным взглядом. Светлые волосы убраны в хвост. Дракон? Что-то внутри ответило: нет. Человек. И вместе с тем очень на дракона похож.

– Приветствую, принцесса Таши, – сказал лекарь.

– Драсте, – отвечаю хрипло.

– Как вы себя чувствуете?

– Чувствую, – отвечаю честно. – Но плохо.

Доктор усмехнулся.

– Если честно, удивлен, что вы справились, – сказал он.

– С чем справились? – уточнила я и тут же обиделась: – Умеете вы поднять настроение.

– Работа такая, – хмыкнул лекарь.

Потом к этой, красивой обернулся и произнес:

– Думаю, кризис миновали. Судя по настроению принцессы.

– А дракон? – дрогнувшим голосом спросила женщина. – Господину надо знать про дракона...

– Ну-ка, – произнес лекарь, поворачиваясь ко мне, ничего не понимающей.

И в глаза уставился. Пристально так. А на меня такая апатия навалила. Такая тоска. Ведь только-только полегчало, и все равно, тело свинцово-ватное, в висках пульсирует, сердце бьется неровно, заходится, и тошнит... Тошнит... И еще во рту пересохло... А они тут ходят, разговоры какие-то меж собой ведут, как будто меня здесь нету, и еще в глаза пялятся. Надоело.

С этими мыслями я закрыла глаза.

Женщина ахнула, мужчина хмыкнул. Только мне все равно. Раз пить не дают (жадобы) я спать буду.

– Откройте глаза, принцесса, – строго сказал доктор.

Ага, сейчас. Все бросила, и, роняя тапки, глаза вам открываю.

– Принцесса, – еще строже позвал доктор.

– Принцесса Таши, это важно, – добавил женский голос.

А, раз важно, тем более, решила я. Надоело это все.

– Принцесса, – голос доктора уже не был таким самоуверенным. – Попробуйте вызвать внутренний рык. Слышите его?

Это вам еще мой дракон понадобился? – окончательно обозлилась я. Мало вы ко мне пристали, так вам еще дракона подавай. И не подумаю рычать.

– Принцесса Таши, – дрогнувшим голосом позвала женщина. – Это очень важно. Пожалуйста! Нам надо знать, ваш дракон, он...

И она осеклась.

Я глаза открывать не стала. Но по коже пробежал холодок. Как это папахен сказал? Не смей противостоять мне, если не хочешь потерять дракона? Мамочки! Так это мне... Мне не просто так адски больно было, что ли? Это мой дракон... умирал?!

– Ничего, госпожа, – словно сквозь вату донеслись слова лекаря. – Мы попробуем по-другому.

Что-то чиркнуло и в ноздри врезался незнакомый запах. И не просто запах, вонь! Хуже этого только... Да нет, ничего хуже этого не бывает и быть не может! Какая-то болотная гниль напополам с аммиаком и чем-то еще, не менее поганым!

Не выдержав, я чихнула.

А внутри послышалось недовольное ворчание!

Открыв глаза, я увидела, что лекарь водит перед носом какой-то зажженной лучиной. Отсюда и вонь.

– Уберите, – недовольно попросила я.

Хотела отодвинуть раздражитель, но рука на полпути обрушилась на кровать. Слабость. Снова чихнув, я приложила нечеловеческое усилие к тому, чтобы отвернуться.

– Все в порядке, госпожа, – сказал лекарь. – Дракон принцессы жив.

Внутри обиженно рыкнуло. Мол, а вы что, сомневались? Да уберете вы эту вонь, или нет? Вонь убрали.

– Сухие побеги дадусуо, – сказал лекарь. – Драконы не любят этот запах.

Не просто не любят, ненавидят, сказала бы я, если бы пожелала с ними разговаривать. А драконица внутри снова зарычала. Угрожающе.

Это почему-то развеселило доктора.

– Вижу, дела на поправку, – сказал он, и, обернувшись к женщине, сообщил: – Дракон принцессы жив, в этом нет никаких сомнений.

Та только полы синего кимоно подобрала и опрометью из покоев выбежала, только и видели.

А меня опять магией и расспросами о самочувствии мучать начали. Хорошо девчонки-джушу вернулись, с новой порцией изумрудного сока.

Попив, я более-менее разговорчивая стала и в меру послушная. Дала себе осмотреть и расспросить. Магическое «вливание», которое лекарь делал, уже гораздо менее болезненно прошло. Хотя, конечно, тоже приятного мало.

А когда он ушел, меня, не дав подняться, на движущейся по воздуху доске в ванную носили, где, – сопротивляться девчонкам элементарно сил не было – выкупали, какой-то массаж сделали, потом камнями обложили, как в спа, куда мамочка ходить обожает, только здесь для процедуры, похоже, драгоценные камни использовались... И, переодев в свежую ночнушку с завязками под горлом, на свежие простыни уложили.

Затем поднос с чем-то съестным приволокли. Упоительные ароматы зашекотали ноздри.

– Принцесса, не будете ли вы столь любезны, чтобы перекусить? – спросили меня.

Я заверила, что буду. Любезна и даже больше. Слабость-слабостью, а аппетит разыгрался жуткий.

Пока я какую-то сладкую кашу с кусочками сухофруктов и орехами поглощала, мне сообщили, что в отключке я провела, точнее в этой вот болевой агонии, семь дней.

У меня, итак еще сильно слабой, хоть после массажа и воспряла немного, ложка из рук выпала. Банально.

– Сколько?! – переспрашиваю, вытаращившись на Аки.

Ложку мне тотчас заменили (и где только взяли другую, такую же?) и закивали, мол, вы не ослышались.

– Семь суток, – в каком-то коматозе повторила я.

– Все могло быть хуже., принцесса Таши. Гораздо хуже, – сказала Аки, а сама чуть не плачет. У Акиры с Акико тоже глаза на мокром месте.

На мой немой вопрос, что мол, еще хуже со мной могло случиться, одна из них прошептала:

– За неповиновение предводителю – смерть.

У меня внутри все сжалось. Потому что поняла, правду говорят. И драконица внутри пожилась, затаилась. Я прямо ощутила это! Потому что это для меня отец – предводитель. А для нее – вожак! И она, получается, в Святилище вожаку вызов бросила! Перед всеми!

Голова кругом от таких новостей.

Завтрак (или обед) так измотал, что, доев кашу, на подушки откинулась в изнеможенье. Только глаза прикрыла и тут же встрепенулась от тревоги. Показалось, что что-то произойти должно. Очень для меня неприятное.

И тут же за дверью раздалось:

– Верховный предводитель Огненного дракарата, Золотой дракон Мичио!

Дверь открылась, впуская папахена.

Глава 6

Отец, сильный, властный, величественный, вошел в покои чеканным шагом. И в комнате как-то сразу стало меньше воздуха, и даже ветерок, что играл занавесками, притих. Девчонки-джошу снова лбами в пол уткнулись, как показалось, с каким-то утроенным, по сравнению с прошлым разом, рвением.

Отец чуть пальцами пошевелил – и их как ветром сдуло. Хотя вслух ничего не сказал, соответственно они о приказе покинуть покои знать не могли. Я это драконьей магии приписала. Которую, кажется, по звону пространства слышала.

А папахен замер у постели и буравит меня взглядом.

И сразу съежиться захотелось, одеялом с головой накрыться, как в детстве, и затаиться, ждать, пока мир сам исправится.

Но я сдержалась. И хоть взгляд у отца тяжелый до одури, тоже снизу-вверх на него смотрю, не отводя взгляда, жду, что будет.

– Я был недостаточно убедительным, дочь? – тихо и так недобро проговорил отец, что показалось, лучше бы кричал. Потому что сейчас, как я поняла, верховный предводитель просто в ярости. – Когда предупреждал – не перечь мне?!

Это он о том, что на площади я типа ему вызов бросила, и, против величайшей воли, оборот начала?

– Наверно, это я была не слишком убедительна, отец, – да, лежу и нарываюсь, самым наглым образом. Потому что что-то внутри подсказывает: раз не убил, значит, уже не убьет. А лежачего вообще, как известно не бьют. Поэтому имею полное право, так сказать.

– Ты не слышал, что я сказала перед всем этим спектаклем? Ты должен был ответить согласием Ледяным. И меня сейчас здесь вообще быть не должно.

При мысли о том, что вместо того, чтобы здесь подышать от боли, я могла парить в синем-синем небе крыло о крыло с серебристым драконом, как-то воспряла духом. Потому что разозлилась – жутко!

– Я прекрасно услышал тебя, дочь, – едва сдерживая ярость, проговорил отец.

– Так за чем же дело стало? – вырвалось у меня? – К чему это избиение младенцев?

– Услышать – не значит согласиться, – заявил отче. – Дракон не спорит с женщиной. Потому что спор с женщиной подобен переливанию из пустого в порожнее.

И так спокойно он это сказал, что меня от ярости подбросило даже.

– А у нас, в нашем мире, – произнесла я, попадая папахену в тон. – У нас говорят, что спор с женщиной сокращает долголетие. Как бы тебе не пожалеть о том, что не послушал единственную дочь, отец.

Тот посмотрел на меня долгим взглядом.

– Я рад, что ты выжила, дочь, – сказала так неискренне как-то.

– Что-то мне подсказывает, что твои мысли сильно расходятся со словами, отец, – ну, что думаю, то и говорю, не в пример некоторым. Клянусь, если бы не лежала, распластавшись, бледная, какая-то обескровленная на кровати, ударил бы. Шагнул по направлению ко мне, но замер. – Почему ты это сделал? Так поступил со мной?

– Дочь дракона – ценный приз. Ее можно отдать клану и породниться с ним навеки, – сказал отче. – Но дочь-дракон бесценна. Такой подарок нельзя забыть даже через века. Ты не должна доставаться тому, кто отдал свое крыло соперникам.

– Я не должна доставаться никому, кроме своей истинной пары! – возразила я. А подумав, добавила: – И ему не должна. Рано мне еще. Я покамест Альма-матер не закончила. А меня там ждут, между прочим.

Отче нехорошо усмехнулся.

– Одна собака залает впустую – остальные подхватят всерьез, – высокомерно бросил он. Я часто заморгала. Это он сейчас вообще о чем?

– Ты не можешь считаться угрозой, дочь, – пояснил отец. – Но ты не должна была бросать мне вызов! В Святилище! Перед всеми! Я должен был убить тебя.

И так спокойно, так запросто он это сказал, что я... поверила. Сразу. Так сильно не по себе стало... Вот серьезно, прямо не до шуток. Но, наверное, мастер Горо не зря говорит, что мне следует учиться сдерживать свою ярость... Потому что в следующий момент, я, кряхтя и рыча, приподнялась на руках и буквально прорычала:

– Да ты! Как ты смеешь говорить такое! Я твоя дочь! И я, как бы тебе не хотелось лишиться меня этого – дракон! Да ты сам знаешь, что мне документы пришли из этой вашей Альма-матер! Да чтоб ты знал, там, у себя я в военной академии училась?! Лучшей на курсе была! И для чего? Чтобы стать тут у тебя породистой кобылой на развод? Да не дождешься!

Отче слушал мою пламенную речь, иронично подняв бровь. А когда, обессиленная, упала на подушки, тяжело дыша, даже руки на груди сложил. Казалось – вот-вот заплодирует.

– Долг дочери – следовать приказам отца, – сказал он.

А у меня банально силы закончились ему противостоять.

Чем отче бессовестно воспользовался.

С жесткой улыбкой, от которой внутри все съежилось, он продолжил «воспитательные работы».

– Знай, что жива ты только потому, что теперь твоя стоимость увеличилась.

Хмуро смотрю на него и набираюсь сил для достойного ответа.

Отец, должно быть, посчитал мое молчание то ли за проявление покорности, то ли за вопрос, мол, с чего бы мне это вырастать в стоимости, и снисходительно пояснил:

– Бросив вызов вожаку, перед всеми, ты доказала, что ты не просто красивая награда для победителя и дочь дракона. Ты доказала, что ты дракон. Что ты сильна, а значит, родишь много сильных сыновей своему господину.

Я продолжаю глазами хлопать. Уже с открытым ртом.

– Как только ты придешь в себя, я снова соберу сильнейших в Святилище, – продолжил отче. – Знай, что число желающих биться за драконицу – увеличилось чуть ли не в десять раз. И кланы продолжают направлять сюда сильнейших драконов. Поэтому хорошо, что произошло так, а не иначе.

Я слотнула, потому что банально не знала, что сказать. Подступала паника. Слова отца звучали пугающе. И никаких сомнений – Исама и близко не подпустят к боям. В том, что он попытается прорваться, я не сомневалась... Но... если неповиновение вожаку карается смертью... Об этом думать как-то не хотелось.

Отец смерил меня взглядом, и, дернув уголок рта, победно ухмыльнулся. Должно быть, посчитал, что удалось меня запугать.

– И на этот раз, – продолжил он. – Если воспротивишься мне, умрешь.

Он сказал это так просто и обыденно, что у меня не осталось никаких сомнений в его честности.

– А как же ценная дочь? Дочь-дракон? – вырвалось у меня.

Отец развернулся и направился к двери, оставив мои слова без ответа. У самой двери замер и бросил, не оборачиваясь.

– Ценная дочь та, что покорна воле отца. Лучше мертвая дочь, чем та, что готова бросить вызов.

И в тот же миг воздух сгустился, стал тягучим, как кисель, принялся царапать легкие.

Я схватилась за горло, понимая, что меня банально дергают за магический поводок, как собачку. Превозмогая отсутствие кислорода и то, что отец сделал все, чтобы поняла, мне не выстоять против него...

Все же делаю какое-то непонятное мне мысленное движение... и, кажется, воздух начинает редеть... Затем снова сгущается. Но я уловила, как мне удалось разредить направленный со всех сторон враждебный поток. Я словно отзеркалила его.

На этот раз концентрируюсь и представляю себя зеркалом. В буддистских практиках это называется визуализация. Представляю, как руки и ноги покрываются ртутью, что отражает вообще все. Понемногу ртуть подступает к горлу, скользит по голове, лицу... И в следующий миг сгустившийся воздух звенит и осыпается осколками!

А я, обессиленная и упавшая на подушки, наконец, глубоко вдохнула.

– Лучше смерть, чем роль породистой драконьей самки, – прошипела я в спину родителю.

Готова поспорить, он услышал.

Но не сказал ничего, даже не оглянулся.

Молча покинул мои покои.

А я решила, что лишнего часа не задержусь здесь. Сбегу. И пусть отче делает со сворой «созванных женихов», что хочет.

Могла ли я, студентка двадцать первого века, еще месяц назад предположить, что стану пленницей в доме отца-дракона?

С памятного разговора с папахеном прошла неделя.

Я старательно зализывала раны и готовилась к марш-броску. Подальше отсюда. Желательно в Альма-матер, где меня вроде как ждут, но никто не говорит, где она.

Так что всю неделю я была кипец как занята... Тщательнейшим образом я выздоравливала, следуя всем заветам лекаря, и не менее тщательнейшим изображала умирающего лебедя (довольно убедительно, если что). А еще вспоминала азы стратегической и оперативно-тактической подготовки, а также диверсионной деятельности в стане врага. Даже жалела, что основы шпионажа прогуливала (там факультатив накладывался по рукопашному бою и стрельбе из лука, и вот я решила, что шпионаж мне точно в жизни не пригодится... а зря решила).

Перебирать содержимое рюкзачков было чревато – постоянно кто-то крутился рядом (сдается мне в местных школах шпионаж тоже преподают, и эти вот все не прогуливали его, как я). Но что касается чемоданчика – книжки я сразу по полкам расставила, только-только как вставить начала. Потому что валяться на кровати, даже при дикой слабости и в балдахин пилиться, было скучно.

Увидев меня впервые с книгой в руках, долго ахали и охали, а потом стали обращаться еще уважительнее (хотя я итак не жаловалась).

Так, за Гарри Поттером и коротала время. А еще за нехитрым планированием побега, трапезами, чтением и общением, которого у меня было много, даже чересчур, о чем позже.

А еще я познакомилась со второй женой отца, госпожой Митсуко. Это та брюнетка, которая у моей постели бдела и поила целительным соком межму. В том, что госпожа Митсуко о моем самочувствии папахену докладывает, я как-то не сомневалась. Но и ко мне у нее какая-то искренняя симпатия была, я чувствовала.

Еще меня навещали братишки. Их у меня, как выяснилось, чуть больше тридцати. То ли тридцать два, то ли тридцать три, я не запомнила. Почти все драконы. Кроме них, два лекаря в семье и два мага, алхимик и элементарист – по словам братьев, это был собственноручно выбранный путь, и глядя на них, я верила. Потому что не на лекарей и магов, а скорее на кузнецов похожи были, с широченным разворотом плеч и выразительной мускулатурой. По словам госпожи Митсуко от моего отца – только самые сильные сыновья рождаются. Я тогда справедливо возразила, что не только сыновья, девочки тоже, а госпожа Митсуко прищурилась и спросила, не стало ли мне лучше. Я тогда часто задышала, откидываясь на подушки и попросила глоток воды, если можно.

Что-что, а то, что стоит мне выздороветь, и опять на смотрины потащат, я помнила.

Кроме братьев и еще парочки жен папахена меня навещали племяши – мальчишки и девчонки. Классные все. Чем-то на Кирлика похожие. Сначала дичились... Но у меня, если что, с собой полрюкзака с шоколадом было (вот именно, что было), поскольку я боялась, что в драконьем мире наверняка хуже делают. Сладости с малышкой все уничтожили, и когда за детьми джошу пришли, те опочивальню не узнали. К своему стыду, мы с драконятами бой подушками устроили... да и вообще... пару плиток шоколада у кого-то в ручонках подталяли. Но малые нормальные... оказались. Не сдали меня. Хоть и мелкие, а что-то понимали, и сказали джошу, что принцесса Таши почти не поднималась с ложа.

И почти не соврала. Под потолком драконом я действительно не летала, хоть малышня и канючила, просила показать свою драконицу.

Драконицу предъявить по понятным причинам не смогла, но когда мы все вместе у меня на ложе устроились, и они вцепились в «тетю Таши», я порычала им. Точнее драконица порычала. Детвора заверила, что слышала. Не знаю, может и врут. Точнее, педагогичнее сказать, привирают. То есть сочиняют.

В общем, болезнь где-то на руку пришлась. Смогла, хоть и не покидая собственных покоев, немного в этом драконьем мире разобраться. С братьями и племяшками опять же, познакомится, с папахенскими женами. Которые вовсе не противными тетками оказались, скорее другими, не такими совершенно, к каким я привыкла.

Я вот смотрела на них и понять не могла – ну что с ними не так... Красавицы – глаз не отвести, как говорится. Но какие-то все... пришибленные, что ли? Грубовато, но подходит. Только Митсуко нормальная, но и она слишком уж... осторожная. А как-то братишки ко мне не только с малышкой, но и с женами нагрянули, и вот когда я посмотрела на драконов с их женщинами одновременно, все встало на свои места. Пазл в голове, что называется, сложился.

Девчонки хорошенькие, да. Нарядные, прям по последней местной моде, все в шелках и драгоценностях... Но рядом с мужьями они терялись. Это как уток и селезней сравнивать. Или других птиц. Или не птиц. В дикой природе самец всегда красивее самки. Но, что касается людей, оно как-то иначе все же. Я привыкла, что в нашем мире только девчонкам положено «расфуфыриваться», а мужчины как-то сдержаннее в подобных вопросах. А если не сдержаннее, то вообще печальная может быть картина, потому что на мужчин (в моих исключительно глазах) всякие там пижоны походить прекращают.

А тут... Драконы – все, как один, блистательны и мужественны просто до невероятности... такой силой от них прет, что дыхание перехватывает... У жен. У меня нет. Меня кроме братьев, драконы не навещали. А к этим, понятно, познавательного-родственного интереса было.

Было интересно на них посмотреть, ведь я привыкла, что у меня только один Кирюха... а тут... Джиро, Йоши, Керо, Изаму, Широ, Хизаро, Ясуши, Акио... В именах братишек я путалась. И были они не все, как папахен черноволосые и зеленоглазые, были и блондины и даже один рыжий, который Акио, словом, должно быть, от матерей внешность досталась.

Я бессовестно объедалась сладостями, которые мне приносили, и с интересом слушала местные новости. Братья, хоть все, как один, шовинисты оказались (и в кого только?), но то, что их сестра – дракон, как-то их с моим существованием мирило, похоже. И кроме интереса и обычной вежливости, я еще и симпатию чувствовала.

Чуть язык узлом не завязался, пока им о нашем мире рассказывала, потому что по сто раз повторять приходилось, что женщины у нас живут не в огороженных специально для них загонах, пусть эти загоны и дворцами считаются, и учатся, и даже работают наравне с мужчинами. А кто-то лучше и больше (тут обычно голос срывать приходилось). С женщинами считаются, их уважают... Да, я училась вместе с мужчинами. Нет, не потому что мечтала стать воином, а потому что чувствовала себя воином. Вот чувствовала и все. А еще всегда хотела летать, поэтому поступила на Авиационный факультет. Что делала, если кто-то желал сделать меня своей женщиной? Хмурилась и била в челюсть. Или не хмурилась, все же и симпатичные

ухажеры случались. Просто в челюсть. Да. И в кадык. Показать? Вот приду в себя и покажу еще не такое...

А еще не давал вопрос, почему это дракониц в природе этого мира кроме меня нет? Ну и что, что от драконов только сыновья рождаются. Но есть же внучки, правнучки? Неужели никто не хотел попробовать пройти инициацию? Да, рискнуть всем. Общественным мнением тем же, положением, да, жизнью, наконец! Навлечь на себя порицание. Но попробовать! Мне это их инициаторское озеро ничуть не противным показалось, и, сдастся, я ему тоже. Обычно в ответ на такие речи на меня махали руками, фыркали, переглядывались между собой.

Но... что-то проступало при этом на мордочках джошу да и малышни новое... Какой-то интерес, что ли? А еще мои девчонки-джошу, которых я называла «три Аки» стали как-то больше между собой шушукаться, секретничать, просить рассказать «о моем мире» и «дать послушать моего дракона». Давала слушать. Не жалко.

За неделю ничегонеделанья и общения с родственниками я узнала, что Огненный дракарат занимает весь полуостров, который мы сверху видели, и примерно столько еще суши, граничит с Землями Дождей и Вечной Осени, а там Подземный дракарат начинался, и еще какие-то леса, то ли Заповедные, то ли еще какие, я не запомнила.

Что касается Альма-матер, то Долина Знаний вообще чуть ли не на другом конце света находится, то есть на западной части материка (мы на восточной были). Сколько до нее лететь-бежать-идти я так и не поняла, они дорогу какими-то перелетами считали, и мне непонятно было. А кроме того, информацию про Альма-матер приходилось чуть ли не по слову выуживать, потому что распространялись о ней неохотно, хоть и соглашались, что дракону без обучения там никак. Потому как драконьей магией управлять только там учат.

Можно еще, конечно, у шаманов-одинок учить, но они учеников берут чуть ли не раз в столетие.

Об одном таком шамане, который обучает сейчас двух драконят, я от того братишки, что маг-алхимик услышала. А также о том, что жилище этого самого шамана где-то в Землях Дождей находится.

Туда и решила двинуть при первой же возможности.

Риск, конечно. Но все же лучше, чем на месте сидеть и ждать, когда папахен снова сватать начнет.

День на третий-четвертый я начала выходить в сад.

Зная, что за мной наблюдают, от пробежек и тренировок воздерживалась. Обследовав сад, облюбовала себе укромное местечко, которое с воздуха не обзревалося, из-за густой листвы, а еще сюда никто не ходил. По сравнению с остальным садом здесь было как-то слишком уж тенисто и неуютно. А мне в самый раз. Одна из веток, почти горизонтальная, на расстоянии прыжка, в качестве турника подошла. Трава здесь, из-за отсутствия солнца, не росла, а потому отжиматься, приседать и упражнения на статику делать тоже было подходяще.

К слову, драпать решила именно отсюда, благо забор рядом. Гарем отцовский, как поняла, охранялся чисто номинально, как в политическом анекдоте – «А куда они убегут? Им сказали, что так надо, они и сидят...» Это местным женщинам очень подходило. Джошу, ко мне приставленные, которые действительно, при более близком знакомстве достаточно высокогородными оказались, только и мечтали, чтобы в какой из таких вот гаремов попасть. Причем втроем. Чтобы не разлучаться. Митсуко – та и вовсе увещевала постоянно, как мне повезло, и в том, что дочь такого великого отца, и в том, что дракона получила, и в том, что за меня сильнейшие будут сражаться, и самый что ни на есть сильнейший в свой гарем утащит.

Я осторожно так спросила: это, получается, я еще не одна у него там буду? На что мне, чуть не захлебываясь, ответили, что я, естественно, скорее всего, буду женой, а не наложницей.

– Скорее всего?! – завопила до крайности уязвленная самооценка.

Даже драконица, которая, кажется, угрозу папахена всерьез восприняла и особо не отсвечивала, и та недовольно заворчала. Потому что своего самца она ни с кем делить не собиралась.

– Ты привыкнешь, принцесса Таши, – сказала госпожа Митсуко и отхлебнула из крошечной чашечки густого янтарного отвара. – Ведь что тебе в гареме одной делать? Скука смертная же. К тому же драконы очень... темпераментны. Ведь нечестно всю работу по их ублажению на одну женщину возлагать.

Драконица внутри так и взревела.

Но госпожа Митсуко так хитро при этом на меня смотрела, что я (как раз на кушетке возлежала, на балконе), охая, на другой бок перевернулась и при этом (надеюсь незаметно) зубами скрипнула.

В общем, бежать надо было срочно.

И побег был запланирован на следующий день.

Пряча под мастеркой всякие полезные вещички, я протащила в облюбованное местечко пару кошек (не пушистых, а для скалолазания), парализаторы (мало ли, вырубить охрану придется) веревку (руки им связать, прежде, чем в кусты отволочь, пусть ищут), скотч и прочие полезные мелочи, включая пару пакетиков сухого пайка на дорогу, походную фляжечку и непромокаемый рюкзачок... Таскать нужное потихоньку под мастеркой было удобно. Я, как вставать начала, исключительно в родной одежде ходила, потому как в ней мне привычнее и сподручнее было, чем в этих их тряпках. Кто-то из гарема, глядя на меня, только кривился, а кто-то как революцию в мире моды воспринял. Потому что стоило мне начать прогуливаться по саду в майках и джинсиках, как вскоре пару девчонок в коротеньких туничках и шароварах заметила. Выглядело, конечно, все равно супер-женственно, но уж не так хотя бы неудобно, как эти их футляры-кимоно...

А вот с луком – подарком фей приходилось расстаться. Потому что его под мастеркой не пронесешь, а подозрений возбуждать не хотелось. Если меня особо не трогали, это еще не значит, что не следили. Следили (я это постоянно чувствовала) и еще как.

Папахен, кстати, за все время моей болезни так ко мне ни разу не заглянул. То есть пригрозил единственной дочке, что убьет за неповиновение, и только его и видели. Было обидно и досадно. Но, как говорится, ладно-ладно-ладно.

В день «икс» я джошу заявила, что пошла погулять. Я их приучила уже, что мое «погулять» – для них свободное время, если не будут отсвечивать. Они сначала со мной таскались, но рядом с принцессой, которая в «лотос» усаживается, пальцы в мудры складывает, а глаза при этом прикрыты и так хоть до посинения сидеть может, мало интересного. А медитировать меня, кстати, рыжий братик Акио надоумил. Как-то проболтался по секрету, что в Альма-матер часы выделяются на медитацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.